

0- 777556

На правах рукописи

КАСЫМОВА Ольга Павловна

ПОЗИЦИОННЫЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

И. Касимова

Уфа – 2009

Работа выполнена кафедре общего и сравнительно-исторического
языкознания ГОУ ВПО «Башкирский государственный
университет» (г. Уфа)

Научный консультант: доктор филологических наук,
профессор
Венера Латыповна Ибрагимова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор

Наталья Вячеславовна Пятаева
доктор филологических наук,
профессор

Райса Ханифовна Хайруллина
доктор филологических наук,
профессор

Людмила Александровна Шкатова

Ведущая организация – Алтайский государственный
университет

Защита состоится «29» июня 2009 г. в _____ час. на
заседании диссертационного совета по присуждению ученой
степени доктора наук при филологическом факультете
Башкирского государственного университета (г. Уфа, ул. 3.
Валиди, 32).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского
государственного университета

Автореферат разослан «14» мая 20

Ученый секретарь
диссертационного совета



В.Л. Ибрагимова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ



0000547758

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию системных свойств русского языка. Язык, как известно, является одной из сложных естественно развивающихся систем. Определение всех сторон этой системы – грандиозная задача, выходящая за рамки диссертационной работы, поэтому из возможных направлений исследования мы выбрали то, которое представляется мало изученным и вследствие этого перспективным. В центре внимания данной работы находятся семантические свойства слова, обусловленные позицией в составе композиционной языковой единицы, в нашем случае – предложения и словосочетания, которые мы рассматриваем как позиционные языковые структуры.

Актуальность данного исследования связана с тем, что оно находится в русле наиболее активно разрабатываемых современных направлений отечественного языкознания. Во-первых, в диссертации рассматриваются вопросы семантики, что являлось основной проблемой большинства исследований ушедшего столетия, а в конце XX – начале XXI в. переросло в новое направление изучения языка – когнитивную лингвистику. Закономерным является обращение к понятию *концепт* в результате исследования семантики слова. Понятие *концепт* сравнительно недавно появились в отечественном языкознании, методы его исследования до конца еще не определены, место когнитивной лингвистики среди других исследований языковых и внеязыковых явлений тоже до конца не определено. Поэтому обращение к когнитивному аспекту языка в нашем диссертационном исследовании отвечает актуальным проблемам языкознания.

Кроме этого, центральное место в диссертации занимают вопросы системности в применении к языку. Большинство лингвистических работ последнего десятилетия так или иначе находятся на стыке наук: лингвистики и психологии, лингвистики и культурологии, лингвистики и когнитологии и т.д. Поэтому сама цель рассмотреть языковые единицы с учетом достижений другой дисциплины (в нашем случае – теории систем) не является чем-то исключительным. Актуальность нашего исследования связана с тем, что при рассмотрении системных свойств языка мы попытались учесть новые достижения теории систем, взглянуть на

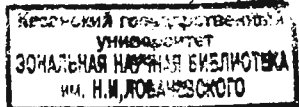
язык как на нежесткую, подвижную систему. Системным является также подход к рассмотрению лексического значения слова с учетом максимально большего количества его употреблений, в том числе и необычных, а также анализ причин невозможности употребления слова в том или ином контексте. Такое панорамное описание лексического значения слова назрело, именно о таком подходе к изучению языковых единиц все чаще говорят лингвисты, а современные технические средства позволили его осуществить.

Актуальность рассмотренных в диссертации проблем обусловлена рядом причин, в числе которых существенное место занимает смена научной парадигмы: в конце XX – начале XXI в. были пересмотрены некоторые постулаты отечественной лингвистики, ярко проявилась общая тенденция обращения к человеческому фактору в языке, к использованию языка в самых разных речевых ситуациях. Поэтому в русле актуальных направлений последних десятилетий находится и антропоцентрическая трактовка позиционных свойств семантики слова, имеющаяся в работе.

Учет самых разных контекстов позволяет лучше представить объем наивного человеческого понимания конкретного явления, определить предпочтения человеческого мышления, соединяющего, кажется, далекие и несовместимые понятия. Нелогичные употребления слов имеют в своей основе именно такие человеческие свойства, как неточность мышления, несовпадение процессов мышления и порождения речи, а также юмор.

Таким образом, данная работа осуществлена в русле трех основных актуальных современных направлений изучения языка: системного, когнитивного и антропоцентрического.

Теоретическая база диссертации включает в себя современные представления о языке как о гибкой, нежесткой системе, имеющей и идеальный, и материальный характер. Свойства единиц языковой системы рассматривались нами в контексте важнейших результатов отечественной семантической школы и достижений когнитивной лингвистики. Основные понятия, рассматриваемые в работе, – это система и типы систем, модели системы, позиция и значимость позиции как системно-языковые понятия, лексическое значение слова, лингвистический концепт, лексическая сочетаемость, форма языкового знака и его



семантическое содержание. При рассмотрении общих теоретических вопросов лингвистики мы опирались прежде всего на классические труды В.В.Виноградова, В.А. Звегинцева, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, В.В. Бабайцевой, В.А. Бондарко, Е.С. Кубряковой, М.В. Панова, Л.М.Васильева. Большую роль для теоретического осмысления значения слова в данной работе сыграли труды Т.А. Гридиной, А.А. Залевской, З.Д. Поповой, И.А. Стернина.

Целью данной диссертации является определение соотношения формы и содержания языковой единицы как элемента системы. Точнее, мы определяем отношения формы языкового знака, преимущественно слова (внешней звуковой и графической стороны), и содержания языкового знака (внутренней стороны – значения) и устанавливаем связь этого отношения с позицией, занимаемой языковой единицей в словосочетании, предложении или тексте. Тем самым целью является уточнение характера языковых единиц как элементов знаковой системы. В той или иной степени эти вопросы рассматриваются в большинстве лингвистических работ, но нашей целью было не просто рассмотреть это соотношение, а еще и определить границы семантической «ёмкости» слова и рассмотреть структуру полного содержания языковой единицы, включая в ее состав нетипичные случаи употребления. Похожая цель уже ставилась в лингвистических исследованиях. В данной работе этот вопрос является центральным, он рассматривается на примере сочетаемости лексем.

Эта цель предусматривает решение ряда задач:

1. Путем изучения классических и новейших лингвистических работ и исследований в области системологии создать теоретическую базу нашей работы.
2. Определить степень изученности языка как сложной системы и рассмотреть существующие модели языковой системы, т.к. позиция, центральное системное понятие данной работы, является частью системы, и ее свойства зависят от свойств системы.
3. Выявить место позиции как системно-языкового явления среди смежных лингвистических понятий.
4. Определить семантический объем лексемы и возможности его варьирования в зависимости от места, занимаемого словом в композиционной единице.

5. Наметить практические способы масштабного исследования семантики слова. В нашем случае это электронный словарь сочетаемости.

Применяемые в работе методы способствуют реализации этих задач, они базируются на общеметодологических принципах индукции и дедукции. Индукция предполагает обобщение на теоретическом уровне множества единичных фактов одного класса, этот метод в основном использовался в исследовательско-экспериментальной части второй и третьей глав диссертации. Дедукция предполагает выведение нового положения путем логического рассуждения, этот подход осуществлялся на протяжении всей работы, преимущественно в первой главе и первой части второй главы.

Из собственно лингвистических методов мы использовали прежде всего системно-описательный, заключающийся в том, что языковые факты описываются не отдельно сами по себе, а объединенными в классы на основе общих свойств любого уровня абстракции. Описательный метод включает в себя приемы наблюдения, сравнения и обобщения лингвистического материала. Этому способствует большое количество исследуемого материала, что позволяет использовать эти методы максимально эффективно.

В работе использовались специальные методы контекстуального и компонентного анализа значения слова, которые в совокупности позволили разграничить лексико-семантические варианты значения слова *лес* и ввести в поле научного внимания новое значение, не зафиксированное словарями. Метод компонентного анализа лексемы *лес* позволил нам представить семный состав каждого его значения, тем самым доказав их самостоятельность.

Для полного рассмотрения значения и употребления определенной лексемы мы использовали дистрибутивный анализ, который заключается в рассмотрении дистрибуции (т.е. порядка расположения) исследуемой единицы и учет всех её позиций. Мы применили этот анализ не только традиционно, для характеристики узуальных сочетаний слова *лес* в предложении и словосочетании с другими словами для определения его ядерного значения, но и для окказиональных и невозможных в русском языке сочетаний. Тем самым мы расширили возможности и границы дистрибутивного

анализа, а в сочетании с компонентным анализом он стал основным инструментом семантического исследования в данной работе. Сами по себе методы компонентного анализа и дистрибутивного анализа являются хорошо известными и, несмотря на критику, связанную с трудоёмкостью и недостаточной эффективностью именно в семантических исследованиях, они остаются основными методами семантического анализа значений лингвистических единиц.

Метод компьютерного моделирования помог определить границы варьирования семантического наполнения лексемы. Мы использовали эксперимент, который состоит в том, чтобы сочетать одно определенное слово с другими с целью получения словосочетания, которое могло бы или не могло существовать в речи. Эксперимент оформлен в виде электронного словаря сочетаемости.

Методологию и технологию работы над лингвистическим материалом позволили осмыслить в первую очередь работы В.В. Бабайцевой, Л.М. Васильева, В.З. Демьянкова, В.А. Карпова, С.В. Лесникова, В.А. Масловой. Именно опора на предшествующие исследования позволила нам по-новому интерпретировать известные языковые факты и включить в круг изучаемых явлений такие, которые редко привлекают внимание лингвистов.

Материалом для исследования послужили примеры из самых разных типов текстов, как письменных, так и устных, примерно 7,5 тысяч предложений. Неоценимую помощь при этом нам оказал Национальный корпус русского языка. Экспериментальный материал (около 4770 единиц) составляют словосочетания с опорным словом *лес*. Зависимое слово взято из подготовленного автором «Словаря употребительных корневых слов и слов со связанным корнем современного русского языка», Уфа: РИО БашГУ, 2002, который, в свою очередь, послужил базой для электронного словаря сочетаемости. Таким образом, общий объем языкового материала составил около 13 тысяч примеров.

В число рассмотренных примеров вошли предложения из публицистических текстов, художественных произведений, в том числе стихотворных, из научно-популярных и научных работ. Мы рассмотрели не только примеры из письменных источников, но привлекли материал из устной речи, что позволило учесть свойства языковой позиции в максимально полном объеме.

В качестве экспериментального нами было выбрано слово *лес*. Оно обладает широким ассоциативным фоном. Понятие *лес* входит в число самых ярких образов, хранящихся в сознании человека. Само представление о лесе формируется с раннего детства, лес обязательно присутствует в русских сказках. Лес играл большую роль в жизни наших предков, сопровождал их от колыбели до гроба, которые были деревянными на протяжении тысячелетий. Лес отражен в русском фольклоре, в живописи и художественной литературе.

У большинства русскоязычных людей, по мнению исследователей, слово *лес* ассоциативно вызывает один и тот же стабильный образ: много хвойных или лиственных деревьев, шумящих от ветра, залитая солнцем зеленая поляна, много грибов, пение птиц. Слово *лес* обладает конкретным значением, широкими возможностями сочетания с разными частями речи, что сделало его удобным объектом для изучения семантических свойств.

Объектом исследования является система языковых знаков. В первой главе мы последовательно представили основные признаки системы, рассмотрели язык как знаковую систему с точки зрения этих признаков и сопоставили имеющиеся в настоящее время модели языковой системы. Во второй главе рассмотрены внутрисистемные отношения языковых единиц с учетом системного понятия *позиции*.

Предметом исследования являются позиционные свойства языковых единиц, а именно лексемы. В диссертации подробно рассмотрены семантические свойства лексемы *лес*, модификация его семантики в зависимости от позиции этого слова в словосочетании.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Последовательное обращение к основным понятиям системологии позволило впервые составить перечень системных свойств языка, сопоставить и оценить современные существующие языковые модели.
2. Теоретически обосновано понятие языковой позиции, проанализирована степень изученности этого явления, впервые оно соотнесено с близкими понятиями *функция* и *валентность*.
3. Введено в научный оборот и получило теоретическое обоснование понятие *значимость языковой позиции*.
4. Последовательно использован системный подход к описанию языковых единиц: максимально широко, с учетом

разных стилей и форм речи, рассмотрены зафиксированные образцы употребления слова, а также проанализированы потенциально возможные и невозможные случаи его употребления, что крайне редко осуществляется в лингвистических исследованиях.

5. Все еще новым и нечасто реализуемым в филологических работах является использование современных технических средств. В нашей работе мы обратились к примерам из Национального корпуса русского языка.

6. Автором данного диссертационного сочинения составлен электронный «Словарь сочетаемости русского языка», зарегистрированный в ОФАП, номер регистрации 50200600704, программное обеспечение Газизова А.Ф. Использование компьютерных технологий позволило проанализировать большой массив лингвистического материала, что сделало убедительными выводы в данной диссертации. Этот словарь может послужить основой для составления других словарей.

7. Впервые определен семантический объем лексемы *лес*, т.е. установлено соотношение формы и содержания данного языкового знака, обосновано существование не зафиксированного в словарях лексико-семантического варианта этого слова.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в нем обобщены современные системные подходы к изучению языка. Системный подход к языковым единицам предполагает прежде всего каталогизацию единиц, образующих систему, их отношения, определение объема системы.

В первой главе нами анализируется список элементов языковой системы, определяется гомеостаз языковой системы, вариантность/инвариантность и другие системные свойства языка. В работе осуществлена сравнительная характеристика современных языковых моделей. Наглядное представление моделей языковой системы (1.3) позволяет точнее их оценить и наметить перспективу развития моделирования языка. Здесь же обосновывается закономерность существования разных типов моделей онтологически единой языковой системы.

В работе рассмотрено системно-языковое понятие позиции в кругу других языковых явлений, введено в научный оборот понятие *значимость языковой позиции*. С учетом понятия значимости языковой позиции рассмотрена семантическая организация лексемы *лес*, что открывает возможность для исследования семантики других единиц языка. Таким образом, в работе представлен широкий понятийный контекст, необходимый для теоретического осмысления рассматриваемых семантических явлений.

В диссертации разработаны методы комплексного анализа семантики слова с учетом возможностей современных технических средств, что может послужить отправной точкой для дальнейших исследований языковых единиц. Мы ограничились изучением семантики одного слова, но считаем, что данный подход правомерен при исследовании как содержательной, так и функциональной сторон всех языковых единиц.

Соотношение формы языкового знака с его содержанием, проведенное на большом материале, в том числе на не рассматриваемом в традиционном языкознании (так называемый «отрицательный языковой материал» и тексты, находящиеся на грани языковой системы, а также за ее гранью, например, бредовые тексты), способствует более глубокому представлению о ментальных процессах в человеческом сознании, о семантической емкости языкового знака и делает более точной картину дистрибуции языкового знака.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при составлении словарей русского языка (толковых, ассоциативных и словарей сочетаемости). По предложенной в диссертации методике могут быть исследованы другие языковые единицы. Электронный «Словарь сочетаемости русского языка» может послужить образцом для составления других словарей нового типа не на бумажном носителе.

Само содержание диссертационного исследования послужило основой для двух спецкурсов, читаемых автором на филологическом факультете Башкирского государственного университета: «Язык в свете основных понятий системологии» и «Отклонения от языковой нормы в устной и письменной речи».

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечена

– обоснованностью исходных методологических позиций. В качестве методологической основы мы использовали новейшие достижения теории систем, примененные к языку;

– использованием комплекса методов исследования, соответствующих цели и задачам исследования. Общенаучные и специальные методы позволили максимально подробно рассмотреть свойства исследуемых единиц языка;

– доступностью материала и повторяемостью результатов исследования, обеспечивающих его верификацию;

– глубоким теоретическим обоснованием, включающим в себя значимые достижения системологии и лингвистической семантики. Мы не ограничились собственно лингвистическими положениями, а включили в теоретическую базу основные представления современной теории систем. В собственно лингвистических работах по семантике мы использовали не только общепризнанные результаты исследований советской семантической школы, но спорные и мало популярные, но перспективные идеи, существовавшие в отечественной науке о языке.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Автор защищает ту точку зрения, что язык может отражать как четкие логические рассуждения, так и донаучные знания обыденного сознания. В целом связи языковых знаков отражают не объективную картину мира, а ту, которая сформирована нашим сознанием. В этом одно из главных проявлений антропоцентрического характера языка.
2. Исследование значений языковых единиц и их связей способствует установлению специфики национального мышления. Национальная картина мира манифестируется невербальными и вербальными способами, среди которых важное место занимают семантические единицы языка.
3. Язык относится к нежестким системам, в которых допускаются расплывчатые понятия и вероятностная логика. Системные свойства языковых единиц предполагают их диффузный, подвижный характер, поэтому при изучении естественных языков целесообразно использовать теоретико-множественный подход и нечеткую логику наравне с четкой. Это положение вполне соотносится с представлениями об

антропоцентрической природе языка и особенностях человеческого мышления.

4. Языковая система существует объективно, в лингвистике же представлены разные модели языковой системы, в той или иной степени соответствующие объекту моделирования и сочетающиеся по принципу дополнительности.
5. Позиция является важным системным понятием, обуславливающим многие механизмы взаимодействия языковых единиц и их свойства. В целом языковая система представляет собой совокупность позиционных структур.
6. Семантическая ёмкость одного и того же языкового знака зависит от его места (позиции) в композиционной языковой единице и от широты связей того или иного понятия в нашем сознании, поэтому объем значения языковой единицы содержит как стабильную часть, так и подвижную, вариативную.
7. Для полного осмысления семантики наряду с прототипическим значением единицы необходимо рассматривать максимально более разнообразные контексты ее употребления, а в идеале – все контексты, включая окказиональные случаи и отклонения от нормы. Описание соотношения формы и значения в этом случае будет максимально объективным.
8. В основе производных значений лежат одни и те же компоненты значения – денотативный и сигнификативный, которые повторяются в том или ином виде во всех случаях употребления, кроме обесценивания значения. Все оттенки значения слова связаны с его употреблением, т.е. позиционно обусловлены. Варьирование значения слова не бесконечно, а ограничено значимостью языковой позиции.
9. В целом языковая система выглядит как язык/речь, поэтому не всегда релевантно разделять язык и речь. В нашем случае, при последовательном применении системного подхода, язык и речь не являются несовместимыми понятиями.

Апробация и внедрение результатов исследования.

Практически весь текст диссертации был опубликован в виде фрагментов: статей и монографий. Отдельные положения диссертации обсуждались на заседании методологического семинара кафедры математического моделирования БашГУ (февраль 2001 г.), на заседаниях кафедры общего и сравнительно-исторического

языкознания БашГУ (март 2001 г., октябрь 2002 г., январь 2008 г.), а также на многочисленных международных, региональных и республиканских конференциях. Всего по теме диссертации опубликовано 54 работы, общим объемом более 35 п.л., из них 2 монографии (одна имеет электронную форму), 2 словаря (один из них имеет электронную форму), 21 статья в сборниках научных работ, 25 материалов конференций и тезисов, 3 программы спецкурсов.

Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, 3 глав, списка использованной литературы и приложения – электронного словаря сочетаемости слов.

Библиография содержит 376 наименования, из них 176 монографий, 29 словарей, 39 грамматик, учебников и учебных пособий по русскому языку, 132 статьи в сборниках научных работ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В развернутом **Введении** излагаются основные понятия работы, теоретическая база исследования, практическая значимость исследования, дана характеристика исследуемого материала

Первая глава диссертации («Язык в свете основных понятий системологии») посвящена рассмотрению системных свойств языка. Системология (общая теория систем) возникла в начале XX в. как раздел математики и к концу века представляла собой общеметодологическую самостоятельную дисциплину, имеющую универсальный характер. Достижения системологии с успехом применяются в самых разных отраслях науки. Теория систем предполагает создание общего алгоритма, описывающего существование всех больших и сверхбольших систем, и поэтому сосредотачивает свое внимание на таких первоочередных понятиях, как элемент, связь элементов, законы их композиции и декомпозиции, цель функционирования системы, изменчивость, взаимодействие со средой.

Важным было также составление парадигмы и типологии систем, что позволяет включить рассматриваемую систему (в нашем случае языковую) в ряд аналогичных по тем или иным свойствам.

Языковая система еще не была охарактеризована с этих позиций, хотя, безусловно, системные свойства языка так или иначе отмечались лингвистами. Существенным недостатком лингвистических системных исследований, на наш взгляд, является то, что системность языковых единиц рассматривается фрагментарно и непоследовательно, без учета их места и роли в общей системе языка. В исследованиях языковой системы практически не учитываются такие системные свойства, как гомеостаз, а такое свойство, как интегративность (эмерджентность) языковых единиц, рассматривалась как свойство самих единиц, а не как свойство системы. Эту точку зрения разделяет и Е.С. Кубрякова, автор раздела «О понятиях языковой системы и структуры языка» в коллективной монографии «Общее языкознание»: «Выдвигающееся в это время понимание языка как системы систем еще не лишено фрагментарности младограмматистов, ибо, хотя и на более высоком уровне абстракции, язык по-прежнему продолжает рассматриваться как распадающийся на отдельные части, связи между которыми в значительной степени не ясны».

Язык как система, конечно, получил определение в языкознании, любое определение языка всегда включает в себя системные понятия. Например, в энциклопедии «Русский язык», одном из основных наших лингвистических справочников, находим такое определение: «Язык – стихийно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система дискретных (членораздельных) звуковых знаков, служащая для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире». В подавляющем большинстве исследований при этом учитывался только один тип организации системы – иерархический. Подробное описание языковой системы в коллективной монографии «Общее языкознание» построено на последовательной характеристике таких системных свойств, как система, структура, статика, динамика, целостность и членимость, вариативность, функция. Но здесь же Е.С. Кубрякова (автор первой главы «О понятиях языковой системы и структуры языка») отмечает, что некоторые языковые явления представляются некоррелируемыми, несвязанными и не взаимозависимыми, что позволяет считать целостность, как и упорядоченность, не абсолютными, а относительными качествами языковых систем. Противоречивость и

неравномерность в определении свойств языковой системы, ее единиц и их свойств следует прежде всего отнести к недостаткам существующих описаний системы языка.

К важным свойствам любой системы относят элементы системы (единицы), их связь, гомеостаз (для больших систем), интегративность (эмерджентность), взаимосвязь системы с большей системой, объемлющей данную, законы композиции и декомпозиции системы (структуру) и некоторые другие. Большинство из этих явлений представлены в исследованиях отечественных лингвистов, но обычно вне связи друг с другом.

В отечественном языкознании отсутствует общепринятый список единиц языковой системы, хотя такой перечень является основой описания любой системы. Как мы убедились (разделы 1.3.1–1.3.5), в разных моделях языковой системы представлены не совсем совпадающие списки элементов языковой системы. Трудности классификации единиц, во-первых, связаны с вариантностью/инвариантностью как основным свойством языка. Языковая система предстает одновременно в материальном и идеальном виде: звук и звукотип, морф и морфема, конкретное предложение и структурная схема. Во-вторых, некоторые единицы выделяются у одних авторов, но они же не считаются таковыми у других. Это касается звуков, словосочетаний и сложных предложений. Текст как единицу языка также подробно не рассматривают ни в одной из моделей языковой системы. Поэтому картина взаимосвязей единиц языка также является нечеткой.

Элементарную языковую единицу обычно выделяют на фонетическом уровне. Звуковая сторона языка представлена силлабемами в модели З.Д. Поповой, в иерархической и полевой моделях – звуками или звукотипами. Понятие элементарной языковой единицы, таким образом, не определено. И.П.Распопов предлагает две единицы в качестве минимальных: речевую единицу – звук или фон, и языковую единицу – фонему. Э.В.Кузнецова в качестве элементарной единицы выделяет только фонему как инвариантную языковую единицу. Неопределенность исходных единиц не способствует уяснению взаимосвязи с более сложными фонетическими единицами (слогом, интонемой) и их роли в выполнении языковых функций.

Морфема (морф) и слово выделяются во всех языковых моделях, слово считается основной языковой единицей, занимающей в любой модели центральное место. Слово – единственная единица языка, которая находится вне вариативности/инвариантности.

Состав синтаксических единиц выделяется не так единодушно. Текст выделяется как единица языка сравнительно недавно, и его связь с другими элементами не охарактеризована. Сложное предложение и словосочетание некоторые лингвисты (например, И.П. Распопов) также не выделяют как элементы системы, их рассматривают как часть структуры виду их композиционной сложности. Простое предложение – это такая синтаксическая единица, которая выделяется всеми исследователями. Предложение строится по структурной схеме, т.е. эта единица имеет вариантную и инвариантную форму.

Таким образом, ни количество, ни взаимосвязь языковых единиц не получили удовлетворительного описания в отечественном языкознании на современном этапе.

Лингвистические системы обладают, как признается языковедами, интегративными свойствами (эмерджентностью, целостностью), присущими системе в целом, а элементы (компоненты, единицы) системы этими качествами могут не обладать. Интегративность (эмерджентность, целостность) как свойство сложных языковых знаков отмечена у всех двусторонних языковых единиц. Односторонние (фонетические) единицы, по общему мнению, интегративностью не обладают. Явление эмерджентности давно зафиксировано лингвистами, но оно рассматривалось применительно к каждому типу языковых единиц изолированно и в отрыве от общеметодологических основ теории систем, кроме того, оно считается не абсолютным, а относительным качеством языковой системы, проявляющимся не в одинаковой форме и в не одинаковой степени. Так, на уровне лексических единиц отмечено, что есть слова, смысл которых не основан только на значении частей-морфем. В таком случае смысл слова имеет “лексическое наращение”, не выводимое из морфемного состава: *писа-тель* – “человек, профессия которого писать произведения художественной литературы”, а не “человек, который пишет”, *учи-тель* – “человек, профессия которого учить”, а не “человек, который учит”. Такой добавочный смысл называется лексическим

наращением, фразеологичностью семантики слова, невыраженным компонентом значения.

Ярче всего интегративность проявляется у фразеологических единиц. В.В. Виноградов еще в первой трети XX века подробно охарактеризовал это их свойство, он считал, что «значение целого ... абсолютно неразложимо на отдельные лексические значения компонентов. Оно как бы разлито в них и вместе с тем оно как бы вырастает из их семантического слияния».

В.В. Бабайцевой отмечена целостность значения также и у свободных словосочетаний, она считает, что далеко не всегда грамматическую семантику словосочетаний можно «вывести» из суммы категориальных значений их компонентов, в словосочетаниях элементы могут изменить свои значения под влиянием тех отношений, которые складываются между ними.

Предложение тоже обладает семантикой, не сводимой к сумме значений составляющих его слов, что отметил еще Э. Бенвенист. С этим положением согласны все синтаксисты, и анализу отношений слова (части) и предложения (целого) посвящено большое количество работ последней трети XX века. В частности, отмечено, что природа компонентов простого предложения радикально отличается от природы самого предложения: предложение является предикативной единицей, а словоформа – нет.

Гомеостаз языковой системы (избыточность элементов и связей) как важное свойство больших и сверхбольших систем, по нашим наблюдениям, специально не рассматривался в исследованиях, между тем как избыточность является важным свойством языковой системы. Прежде всего, язык включает огромное количество единиц – не поддающееся учету количество звуков, около 100 тысяч слов (по данным словарей современного русского литературного языка), бесчисленное количество словосочетаний и предложений. Связи между этими единицами также достаточно разнообразны, они подробно исследованы и отражены в научных работах. На избыточность морфологических категорий языков синтетического строя как на предпосылку «надежной и устойчивой работы в различных условиях» указывал С.Д. Кацнельсон. К явлениям, способствующим гомеостазу языковой системы, следует отнести и высокую степень дублирования, свойственную естественным языкам. Развитым языкам свойственно наличие и

диалектных, и литературных форм языка, причем диалектные формы (говоры и наречия) у одного и того же языка присутствуют в большом количестве. Так, в русском языке выделяют 2 наречия, внутри которых имеются несколько десятков говоров. Развитая стилистическая система также создает дополнительные связи между языковыми единицами, предоставляя возможность для выражения одного и того же смысла средствами, прикрепленными к определенным ситуациям общения. Наличие дублированных средств для выражения того или иного смысла считается положительным явлением в языке, т.к. это свидетельствует о степени развития национального мышления, способного не только отмечать близость реалий, но и достаточно тонко их дифференцировать. В сознании отдельной языковой личности невозможно сохранить все вариативные способы наименования всех реалий, объем индивидуальной памяти не в состоянии усвоить такое количество слов. Поэтому следует предположить, что такое дублирование целесообразно именно как проявление избыточности, способствующей стабильности языковой системы.

Естественный язык – гибкая и жизнестойкая система, доказавшая свою стабильность на протяжении тысячелетий. Очевидно, что в естественном языке нет случайных, внесистемных и лишних “деталей”. В искусственных языках, наоборот, отсутствует материальная и структурная избыточность, системы искусственных языков гомеостазом не обладают. “Спланированный” язык устроен более рационально: в него включено минимальное количество синонимических рядов, отсутствуют диалектные формы, не развита стилистическая система, исключены омонимы. В.А. Звегинцев отмечал, что «понятие избыточности вышло уже за пределы таких в общем технических использований и в настоящее время, по сути говоря, является одним из методологических критериев, с помощью которых различают естественные и логические языки».

Связь языковой системы со средой стала объектом пристального внимания лингвистов к концу XX в., осмысление этой связи и ее объективная сложность послужили основой становления новых дисциплин на стыке наук (т.е. систем): психолингвистики, этнолингвистики, когнитивной лингвистики, социолингвистики и пр. Языковая система относится к открытым системам, т.е. активно взаимодействующим со средой. Языковая среда, т.е. большая

система, объемлющая языковую систему, включает такие сложные понятия, как объективная действительность, т.е. материальный мир, и ментальное представление о действительности – идеальный мир человека.

Язык представляет собой и феноменальную, и эпифеноменальную сущность, в чем проявляется идеальный и материальный характер его системы. Язык как феномен обладает материальной формой, структурной организацией, законами изменения. Язык как эпифеномен (от гр. *epi* – *при, после, возле* и *phainomen* – *явление*) представляет собой сопутствующее явление, не влияющее на среду.

Исследование языковой системы с учетом достижений системологии приводит к заключению, что взаимоотношения языка и мышления, языка и социальной системы и пр. должны быть рассмотрены как взаимосвязанные, но разные системы. Трудности определения границ языковой системы закономерны: выделяя подсистему, мы фактически вводим границы, которых на самом деле не существует, считает С.А. Орловский. Полная система не есть дискретная совокупность подсистем, а скорее своего рода “континуум”, в котором подсистемы в некотором роде “проникают” друг в друга. Переход от подсистемы к подсистеме происходит не скачкообразно через четкую границу, а плавно, непрерывно. Поэтому в системологии допускается существование систем, которые невозможно отделить от среды. Появление в последней трети XX в. смежных дисциплин (психолингвистики, этнолингвистики, когнитивной лингвистики и др.) свидетельствует о такой тесной связи языковой системы со средой.

Важное системное свойство вариантность/инвариантность было в центре внимания лингвистов на всем протяжении XX в., неисчислимое количество реальных языковых единиц и возможность сведения их к вполне исчисляемым эталонам, образцам привлекало внимание своей очевидностью и требовало объяснения. В отечественной лингвистике имеется подробное описание взаимодействий звука, звукотипа и фонемы; морфа и морфемы; предложения и структурной схемы предложения. Понятие инвариантности лежит в основе описания всех языковых единиц. Фонетические, словообразовательные и прочие единицы представлены в русистике как группа однозначимых и

изофункциональных единиц. В этих группах имеются элементы, выражающие прототипическое значение в чистом виде (инвариантные), и элементы, в которых прототипическое значение сопровождается какими-либо добавочными элементами. Сведение класса однородных употреблений к инварианту является, по мнению И.М. Кобозевой, «одной из сложнейших в лексической семантике и лексикографии» проблемой.

Принято считать, что систему языка формируют инвариантные (абстрактные) единицы, а варианты единицы, являющиеся конкретными реализациями абстрактных единиц, обычно относят к области речи. Таким образом, языковая система представляет собой нечто абстрактное, существующее в нашем сознании, а речь – реально существующее многообразие индивидуальных способов общения. Языковая система считается ведущей, определяющей правила функционирования речевых единиц, это достояние коллективного сознания. И теоретически, и практически чрезвычайно трудно отделить одно от другого, поскольку и коллективное, и индивидуальное представлены в каждом сознании каждого носителя языка.

Вопросы соотношения структуры и системы языка были также в центре внимания, правда, оба термина не получили достаточного теоретического обоснования, что до сих пор приводит к их смешению. Делалась попытка разграничить понятие системы и структуры исходя из разных типов отношений: в системе имеются отношения между их составляющими, а структура – это система связей (т.е. взаимозависимости) (Г.П. Щедровицкий). Существует и обратная точка зрения, в соответствии с которой предлагается дифференцировать системы как совокупности связей, а структуры – как совокупности отношений (Г.С. Щур). Наконец, понятия системы и структуры рассматривают как целое и часть. Чаще всего целым считается система, а структура рассматривается как часть системы, хотя встречается и противоположная точка зрения. В лингвистической литературе отмечено, что понятие структуры языка соотносится преимущественно с отношениями между элементами, а понятие системы – с устройством объекта (языка) как целостного образования, выполняющего определенную функцию. Обращение к основным понятиям системологии позволяет представить структуру как часть системы, как правила композиции и декомпозиции этой

системы. Понятия системы и структуры в этом случае отделены друг от друга и выражены формализованно: система (S) есть множество упорядоченных троек Φ , H и Z: $S = S(\Phi, H, Z)$, где S – система, $\Phi = \{\Phi_i\}$ – множество объектов (базовых элементов), $H = \{H_j\}$ – множество элементов связи, а $Z = \{Z_k\}$ – множество законов композиции и правил операции с элементами объектов и связей. Структура системы – это множество элементов связей между подсистемами или элементами, принадлежащие конкретному элементу dm множества D способы декомпозиции: $StrS = \{S, dm \in D\}$.

В конце XX века появились новые представления о типах систем: о сверхбольших системах, системах нечетких множеств (Л.Заде), об отношениях между элементами системы, которые соответствуют вероятностной логике, о модульном принципе взаимодействия частей системы и пр. Поэтому вопросы системы и структуры языка, отношения между элементами, законы декомпозиции языковой системы еще ждут своей дальнейшей разработки с учетом новых достижений системологии. Можно с большой уверенностью предположить, что язык если и является иерархической системой, то лишь частично, в каких-либо ограниченных областях, а ведущим принципом организации языковых единиц является модульный принцип. Диффузный характер значимых языковых единиц лучше всего соответствует полевой структуре, поэтому полевой принцип необходимо дополняет модульный.

Образцом системного представления языкового материала являются словари, потому что в лингвистических словарях четко обозначен критерий качества (системообразующий параметр) – обычно он бывает манифестирован в названии словаря. Языковой материал (чаще всего лексический) представлен сгруппированным в соответствии с критерием качества: по близости значения (синонимы), по тождеству внешней формы при различии значения (омонимы), по противоположности значения (антонимы) и т.д. В конце XX в. русская лексикография представляет необычайно большой выбор словарей разного типа, что позволяет говорить о “золотом веке лексикографии”, о том, что характерной чертой современной лексикографии является сближение ее как с теоретической, так и с экспериментальной лингвистикой.

Заметным достижением отечественной лингвистики, на наш взгляд, являются модели языка, отражающие разные аспекты языковой системы. Выбор критерия качества предопределяет характер полученной модели, поэтому они противоречивы и разнообразны. Обобщение этих моделей – дело будущего, так же как их дальнейшее развитие, потому что большинство из этих моделей недостаточно разработаны. В диссертации рассмотрены 6 отечественных моделей языковой системы: иерархическая, динамическая (З.Д. Попова), полевая, многослойная (Д.Л. Спивак), ассоциативно-вербальная сеть (Ю.Н. Караулов) и модульная. Подробно представлены в научной литературе две из них – иерархическая модель и ассоциативно-вербальная сеть Ю.Н. Караулова.

В рамках иерархической модели языковой системы было предложено несколько вариантов организации языковых единиц. Этим вопросом занимались как отечественные, так и зарубежные лингвисты (например В.А. Звегинцев, Э.В. Кузнецова, И.П. Распопов, Л.М. Васильев и др.). Уровневая модель языка предполагает расслоение языковой системы на несколько крупных блоков, размещенных определенным образом. Обычно уровневую модель изображают в виде пирамиды, этажерки, цепи, лестницы. Такое представление о языковой системе опирается на положения, обоснованные в рамках структурной и трансформационной лингвистики, глоссематики и дескриптивной лингвистики. Сформировалось представление о слоях, уровнях, блоках языковой системы в середине XX века. Разными учеными выделяется разное количество уровней – 3 (В.А. Звегинцев, Л.М. Васильев), 4 (И.П. Распопов, Э.В. Кузнецова), 6 (С.Лэм). В.А. Звегинцев достаточно иронично отмечал, что установление того, где у языка «верх» и где «низ», произошло в значительной мере стихийно, и обычно эти понятия употребляются без всяких обоснований. Добавим также, представление иерархии языка в виде пирамиды или цепи не соответствует языковым фактам, известно, какую большую роль играет интонация (фонетическая единица) в оформлении предложения (синтаксическая единица).

По-видимому, иерархический принцип организации уровневой модели, как бы он ни был привлекателен своей строгой логичностью, не вполне соответствует самой языковой системе.

Очевидно, что блоки, уровни, ярусы языка связаны между собой каким-то другим, не иерархическим, или не только иерархическим, образом. Вместе с тем именно в рамках уровневой модели языковой системы было представлено подробное описание языковых фактов, разработано представление о дихотомии язык/речь и в связи с этим упорядочены лингвистические единицы как абстрактные и конкретные. Язык является системой неоднородных, негомогенных единиц, поэтому таким важным в рамках этого направления явилось введение понятия *уровень*.

Внутренняя противоречивость уровневой модели способствовала тому, что в рамках этой модели возникла стратумная модель лингвистов США – С.Лэма, Д. Локвуда, Г. Глисона и др. Стратумная модель является частной моделью языковой системы в рамках общего представления системы языка как уровневой организации

Факты, противоречащие иерархической модели организации языковой системы, находят объяснение, если рассматривать язык как систему, организованную, например, по модульному или полювому принципам. Другие модели организации языковой системы ждут своего признания и дальнейшего развития. Самым перспективным представляется рассмотрение языка как модульной системы. Близкими к этому описанию, на наш взгляд, являются динамическая модель З.Д. Поповой, модель Г. Глинца, модель трех уровней языка Л.М. Васильева и ассоциативно-вербальная сеть Ю.Н. Караулова.

Приходится констатировать, что недостаточная разработанность вопросов системологии в применении к языку приводит к тому, что удовлетворяющего всех определения языковой системы на данный момент нет. Большинство существующих определений носят описательный характер, например: «На основании различных критериев современная наука определяет язык как вторичную материальную естественную вероятностную многомерную динамическую открытую знаковую систему» (Е.В. Пономаренко).

В данной работе в качестве объекта дальнейшего исследования из всех возможных мы выбрали одно системное понятие, которому, на наш взгляд, уделялось недостаточно внимания. Это понятие позиции. В диссертации позиция определяется как системно-языковое понятие. Несмотря на то, что мы отдаем себе

отчет в том, что языковая система недостаточно исследована, мы все же считаем возможным рассмотреть понятие *позиция* в нашем исследовании ввиду его теоретической важности.

Вторая глава («Позиция как системно-языковое понятие») посвящена центральному понятию диссертации – *позиции*. Свойства позиции неразрывно связаны со свойствами системы в целом, в первую очередь со свойствами единиц системы. Важность системного понятия *позиция* осознавалась отечественными лингвистами, оно занимает значительное место в работах ученых, занимающихся проблемами теории языка, в работах фонетистов и синтаксистов (В.В. Бабайцевой, Т.П. Ломтева, М.В. Панова и др.). В меньшей степени – в трудах ученых, занимающихся проблемами лексикологии и морфологии. Но удовлетворительный результат исследования свойств позиции не может быть достигнут, пока позиция не рассматривается как элемент системы языка.

В данной главе позиция анализируется на общепризнанных языковых уровнях: фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Степень разработанности вопросов семантики позволила нам включить и этот уровень в число рассмотренных проблем.

Позиция нами рассматривается как условие существования языковой единицы в составе более сложной единицы. Иначе говоря, позиция – это место в системе. В языкознании понятие *позиция* используется достаточно плодотворно, но в разных разделах языкознания оно имеет разное содержание (так, например, различаются фонетическая и синтаксическая позиция), и к тому же в лингвистике понятие *позиция* не получило четкого и однозначного определения. Широкое использование термина создало эффект узнавания, но анализ его употреблений приводит к выводу о том, что используется этот термин неоднозначно.

В этой главе мы представили позицию в ряду смежных понятий – *валентность* и *функция*, что было теоретически обусловленным. Мы пришли к выводу, что позиция, валентность и функция образуют понятийный континуум, отражающий связь элементов в языковой системе. Трудность и некоторая противоречивость в анализе этих понятий объясняется сложностью самого явления: связи элементов в языковой системе достаточно

разнообразны. Взаимосвязь элементов включает в себя не только формальную зависимость или взаимозависимость элементов (подчинительную и сочинительную связь), но и семантические отношения и ассоциативные связи, отражающие особенности мышления, культуры, социальной жизни носителей языка. В ряду этих трех теоретических понятий (функция, позиция, валентность) позиция, на наш взгляд, недостаточно освещена в научной литературе. Валентность и функция во многом определяются свойствами самой единицы, а позиция является свойством структуры композиционной единицы языка. Валентность и функция рассмотрены в отечественной лингвистике на примере слов как носителей смысла, а позиция является обязательным элементом любой системы. Поэтому в теоретическом отношении понятие позиции шире понятий *валентность* и *функция*.

Важным свойством позиции является то, что мы определили в работе как значимость. Значимость в данной работе понимается как условия, определяющие возможность или невозможность употребления единицы языковой системы в определенном окружении других единиц. Значимость позиции – это та часть лингвистических свойств, которая присуща любой единице в данной позиции. Свойства могут быть семантическими, если речь идет о значимой единице (слово, морфема), могут быть какими-либо другими (фонетическими, стилистическими и пр.). Как правило, в большинстве текстов значимость позиции гармонично сочетается со значением или каким-либо другим свойством языковой единицы, тем самым обеспечивается стабильность языковой системы, возможность успешного выполнения коммуникативной функции языком. Но в этих же случаях труднее обнаружить значимость позиции, что и сделало ее во многом «скрытым», имплицитным явлением в теории языка. В тех же случаях, когда значимость позиции и свойства языковой единицы диссонируют, значимость позиции проявляется очевидным образом, именно она превалирует в нашем языковом сознании, и композиционной единице благодаря значимости позиции удается выполнять свою функцию.

Как сказала Н.Д. Арутюнова, «норма порядка очевидна, польза отклонений от нормы нуждается в обосновании». В этой главе мы подробно рассмотрели случаи отклонения от нормы,

обнаруживающие значимость позиции, на примере разных языковых единиц.

Фонетические единицы почти не допускают неузального способа замещения позиции. Внешний, оформительный блок языка является самым стабильным в отношении заполнения позиции, иначе речь становится неинформативной. Наиболее частотные, регулярные отличия от нормативного литературного употребления, систематизированные языком, создают другие нормы – диалектные варианты языка (разные виды оканья, яканья, цоканье и пр.), например: [в'и²дрó] в литературном нормированном произношении и [в'Λ дрó] в акающих диалектах.

Если необычное замещение той или иной фонетической позиции не является регулярным в языке, то это признак языковой некомпетентности, что наблюдается у иностранцев (акцент) или у маленьких детей (шепелявость, картавость, замена трудных звуков, например, л вместо р: *сталенький*). Примеры несовпадения значимости позиции и свойств звуковой единицы мы наблюдаем также в случае дефектов органов речи и поражения коры головного мозга.

В системе морфем в составе слова позиция определяет возможность сочетания морфем и их звуковой состав исходя из законов словообразовательного синтеза. Типичные для данного языка сочетания морфем, соответствующие законам словообразовательного синтеза, создают узальные слова. Слова, созданные с нарушением словообразовательного синтеза, являются окказиональными, а слова, не нарушающие законов словообразовательного синтеза, но не вошедшие по каким-либо причинам в словарь – потенциальными. Ср.: *раскрасавец* – *будь он хоть размиллионер* (Ф. Достоевский); *тяжелобольной* – *А тут лежит тяжелооздоровый* (из кинофильма «Высота»); *безотцовщина* – *Да хватит тебе джеймсбондовщину разводить* (В. Звягинцев), *здравоохранение* – *реформы здравоохранения*; *отчудить* – *отхеппибездить* (Г. Степанян); *Бельгия* – *До Англичанин дойдем* (Д. Быков); *Надо обозглавить и обеспопить* ананас (из устной речи, передача «Званий ужин», 28.11.07) и т. п.

Переосмысление закономерностей словообразовательного синтеза приводит также к ситуативному изменению значения слова, например: *Как можно больше искренности!* (об искрах бенгальского

огня, ОРТ, “Доброе утро”, 30.12.01); “*Этажерка*” так и не появилась (о дежурной по этажу в гостинице. Л. Пучков); *Прапрапрапорщик* – обыгрывается совпадение первой части слова *прапорщик* с приставкой *пра-* в словах прадед, прабабка (ТВС, “Тушите свет”, 19.08.2002) и пр.

Такое переосмысление является основой распространенной языковой игры, при которой значимость морфемной позиции противоречит функции и значению конкретных морфем, например *танковое мучилище*, созданное из глагола *мучить* по аналогии с *учить*→*училище*. Изменение одной или двух букв может создать окказионализм, совмещающий значение двух похожих слов: *общежущие*; Ну что, читатель, поступимся в избушку к *бабе ЕГЭ*?

Позиция словоформы в морфологической парадигме также обладает значимостью. Выбор той или иной формы изменяемого слова или сама возможность изменения слова позиционно обусловлены. Нарушения же грамматической нормы в литературном языке редки, они слишком “режут ухо”, речь сразу становится “не русской”. В то же время этот “отрицательный языковой материал” является ценным источником понимания значимости морфологической и синтаксической позиции. В устной речи такое “искаженное” употребление не редкость, изредка “отрицательные” употребления встречается также в художественной, особенно поэтической, речи: *А где твоя ангел-хранительница?* (А. Маринина. «Я умер вчера»)– расхождение в роде согласуемых слов; *Было я на сласти надкое, вдаль смотрело сквозь очков ...* (А.Левин. “Ответ насекомого В. Строчкову”); позиция винительного падежа неодушевленного существительного (*очки, столы, часы*) заменена формой родительного падежа (*очков, столов, часов*); *Ваша песня будет буквально через чуть-чуть* (Радио FM). В позиции падежной формы с предлогом употреблено неизменяемое слово; *...Эта добрая жена, как родная старшина* (А. Левин. “Муж лежал на солнцепеке”); о “присвоении” существительному *старшина* (м.р.) грамматической формы ж. р. свидетельствует согласование *родная*; Ср. также *Единственная мужчина в украинской политике* (о Юлии Тимошенко, ОРТ, 28.11. 2004 г.).

Грамматические окказионализмы также отмечены в научной литературе – это такие грамматические формы, существование которых в нормативном употреблении недопустимо (*наши черты*

Всех чертей в сто раз чертей (А. Твардовский); *ваши парни – коммунисты, наши – коммунистее* (частушка В. Золотухина); *Где эта сказочная «Гда»?* (С. Кирсанов). Употребление несуществующих в нормативной грамматике форм слов обнаруживает противоречие между лексическим и грамматическим значением и функцией слова, с одной стороны, и позицией (в данном случае нулевой, т.к. соответствующая форма отсутствует в грамматической парадигме) – с другой стороны. В художественных произведениях они используются как яркое средство выразительности, в устной речи используются также как средство выразительности или являются речевой ошибкой, в рекламном дискурсе используются как средство привлечения внимания: *Но самым разным оказался наш Аскольд* (А. и Б. Стругацкие); *Самая вишневая защита от кариеса* (Реклама); *Самый провансальный провансаль* (Реклама); *Здесь самый континентальный климат на Земле* (телеканал «Россия», 30.01.01. о Республике Тыва); *Это мешок-то багаж? Будь чемодан или что понейлоновой* (Г.Л. Олди и др. «Пентакль»); *Мы так близки, что некуда интимней* (А.Авербах). Среди неузальных морфологических форм нами отмечена изменяемая форма рода у субстантивированного прилагательного, своеобразный «шаг назад» в словообразовательной парадигме: *«Когда я однажды указал ей на одно место в рукописи: «Тут следовало бы поставить запятую», – ответ был: «Я сама чувствовала, что тут есть что-то запятое»* (А. Нейман. Рассказы о Анне Ахматовой).

Необычные соединения слов, нарушающие нормы лексической сочетаемости, также являются ярким показателем значимости позиции: *Ответил вялый женский голос с маленьким окладом* (М.Задорнов); *Ты живешь мимо меня* (Из фильма «Таежный роман»); *Сколько раз ты был в Америке? – Почти ни разу* (Развлекательная телепередача «33 кв. м»); *Сегодня мы празднуем похороны. Покойся, голод, с миром* (из телерекламы); *Нужна одна дыня приятной наружности и небольшой окружности* («Кремлевские салаты», М., 2002, с. 8); *Да еще чего-то спел мальчик толстенького роста* (Из телепередачи «Аншлаг»); *Без двух минут воннегутовский воздушный десант морской лыжной пехоты* (А. Громов); *Создай палитру вкуса* (Реклама); *Когда я работал в Парке культуры имени отдыха* (из устной речи: интервью с певцом

Маршалом 17.01.2004, канал STS); *Туловище в коленях было согнуто* (АиФ, №31, янв. 2004, с.21); *Продаются кожаные ботинки, р. 41, цвет замшевый* (там же); *Смотрит на меня своим тазобедренным суставом* (телепередача «Шутка за шуткой», ОРТ); *Эй, вы, трое, оба ко мне, я к тебе обращаюсь* (армейская шутка). В ряде случаев употребление слов в необычном контексте является преднамеренной языковой игрой, в других случаях – ошибочным употреблением, связанным с незнанием существующих норм. Языковую игру отличает установка на комический эффект, нарушения норм в этом случае имеют эстетическую и психологическую ценность, обусловленную особенностями национального менталитета, поэтому языковая игра, как правило, не поддается переводу.

В этой главе рассмотрены также такие отклонения от нормы, как оговорки и опечатки (*бухгалтерская отчетность* вместо *отчетность*; *работа по обогащению Ирана* вместо *урана*). Оговорки и опечатки являются непреднамеренным нарушением баланса значимости позиции и значения языковой единицы. В случае опечаток читатель вынужден наполнять лексическим значением форму, которая не содержится в инвентаре языковых единиц. Чтобы этого не произошло, читатель выбирает (мгновенно и безошибочно) то лексическое значение, которое соответствует значимости языковой позиции. Оговорки не корректируются слушающим в процессе слухового восприятия, его внимание не проскакивает “сквозь” нарушение, и несовпадение с эталоном слова отмечается сознанием слушающего, а в ситуации диалога соответствующее слово уточняется. В исследованиях О.В. Вессарт, О.В. Кукушкиной и др. отмечается, что возникновение речевых искажений подчиняется определенным правилам; так, ошибки преобладают на знаменательных словах, а не на служебных.

В художественных текстах (например, в поэзии футуристов или в произведениях для детей Д. Хармса, Л. Петрушевской, Г. Остера и др.) представлено принципиально иное использование позиции: позиционная значимость может специально или элиминироваться, или представлять собой очень аморфное, неопределенное образование. В языковом сознании говорящего отсутствуют лексические единицы, которые имеются в поэтических и прозаических текстах, а значимость позиции далеко не всегда

заполняет эту лакуну. Псевдолексемы в научной литературе называются “абсурдными лексемами”, “абсурдными языковыми субстанциями”. Необычные корни слов используются в стилистических целях поэтами и прозаиками для создания эстетического эффекта (*незуричей стая, инеса* – В. Хлебников), номинативная функция в таких случаях не реализуется.

Эта языковая игра достаточно распространена в русской литературе, она имеет давние традиции тайного языка офеней и фольклорных «нескладушек», абсурдных песен и загадок. Эти традиции живут и сейчас, ср. например, в произведениях Д. Быкова: *«Взметнулся, возлапился, выбуркнул: «Бздысь!» Оборянилась, скоржсилась. Чухнулся: «Грумко мне в грызде! Устроплюсь!» Возгрязнула вытно: «Устропись! Устрося, бажаный!» Обшушился вялко, коршу догребавши: «Пожеженики луют... Не взбрыкну»* (Д. Быков. «Орфография»).

Особенно отчетливо проявляются свойства значимости позиции в семантической системе языка в случае неузуальных текстов. К неузуальным текстам относятся такие, которые не выполняют или выполняют ограниченно языковые функции. Это бредовые тексты, глоссолалии, шаманские заклинания и под. В крайних формах, выражая паралогическое мышление, бредовая речь становится бессвязной и на уровне смысла, и на уровне грамматики: *“Я хочу есть. Жратва пить дать, не смотрите, любовь, огонь сжег. Они веселятся через поры любого существа, вот женищина, весь род на земле происходит...”* (пример В.А. Глазова). Во многих случаях бредовая речь остается грамматически связной. Бред в этом случае осознается как бред лишь на уровне лексики (возможно употребление необычных слов) и лексической сочетаемости: семантические позиции замещаются необычным образом, ассоциативные связи понятий нетипичны и редки: *“Я не верю ни в какие лекарства врачей, не доверяю людям, потому что это помачане, помахтане, взрхмахтане, взрхмахт. Я это знаю, ты не имеешь понятия об этом”* (пример В.П. Белянина). Бредовый текст при внешней своей верной грамматической оформленности не выполняет важнейшие функции языка (коммуникативную и экспликативную) и не может считаться образцом речи.

В художественной литературе бред имитируют, с большим или меньшим успехом, например: *“Я не мог проникнуть в их мысли,*

как не мог проникнуть, скажем, в мысли больного шизофренией, абсолютно правильными, ораторскими фразами доказывающего: *“Возьмем Кольский полуостров, вставим в него телевизор, будем вокруг все время хлеб накручивать – так что же, Илья Муромец, что ли вырастет, я вас спрашиваю?”* (В.Рыбаков).

Близкими по языковым особенностям к бредовым текстам являются глоссолалии – псевдоязыковые образцы необычного речевого поведения, которое в многочисленных религиозных обществах считают ритуально-религиозными, возникающими в состоянии транса: *«Амина, супитер, амана... регедигида, треги, регедигида, регедигида... супитер, супитер, арамо»*.

Сложный, комплексный характер имеет позиция в предложении и тексте. В значимости позиции членов предложения сливаются значимости позиций семантического, структурно-грамматического и коммуникативного планов синтаксической единицы. Значимость позволяет функционировать предложениям в случае необычного заполнения позиций главных членов: *“Объелся груш”* дома? (из устной речи; употребление возникло на основе поговорки “муж объелся груш”); *“Сталин наша слава боевая, Сталин нашей юности полет”* оказался тираном и убийцей (В. Токарева. Первая попытка; слово “Сталин” заменено строчкой из популярной в 40-е гг. песни о Сталине); *Собака* не взяла след, написала отчет и уехала (Из к/ф “Тайны следствия”; “Собака” в данном случае и сама собака, и кинолог, выезжавшие на происшествие); *Запашок, правда, уж больно тьфу!* («Огонёк»; междометие заменяет слово с отрицательным оценочным значением в позиции сказуемого). Значимость позиции ярко проявляется в однородных рядах в случае нарушения их логической, грамматической или стилистической однотипности: *Впереди и намного обогнав остальных, шествовал знакомый мне студент Станислав Жуковский* (В. Успенский); *Не только из Ярославля, а из одной школы приехал человек в студию...*(из устной речи); *Телефонистка отключилась вместе с сыром, Хабаровском и телефоном* (М. Задорнов); *Заведовать ТЕО она вздумала от нечего делать и ради престижа* (Вл. Ходасевич); *Естественно, Дуся торопилась поставить свечу святому Пантелеймону, а также Иоакиму и Анне, Сергию, двум Василиям, двум Иоаннам и, как говорят у нас, “ряду других товарищей”* (В. Ардов). Такое

соединение может быть стилистическим приемом силлепсисом, давно известным в риторике: *Черенцов щелкает каблуками, зубами, глазами* (Д. Быков. «Орфография»).

Проявление значимости текстовой позиции наблюдается, по нашему мнению, в следующих случаях. Во-первых, при сохранении в тексте однажды употребленного переносного значения, во-вторых, при употреблении языковых единиц с опорой на пресуппозицию. Так, в примере: *«Держи. **Ив Сен-Лоран**. Надевал два раза: на похороны и **паспорт*** (из к/ф «Агентство НЛС»), – можно понять смысл выделенных слов и сам текст только с опорой на знание современных социальных явлений: речь идет о костюме фирмы Ив Сен-Лоран и о фотографировании на паспорт. Понимание текста с опорой на социокультурные знания необходимо для восприятия текстов пародий, шуток, эпиграмм, полного восприятия логоэпистем, символов и других случаев «свертки» информации: *Мужчина в полном закате сил; Под лежащий камень портвейн не течет; Мы увидим небо в колбасках* (М.Хуциев. «Культура» 16.12.04); *Расставить точки над тире* (к/ф «Агентство НЛО»), *Первый парень на сервере* (брачное объявление в Интернете); *ученье свет, а неученье – 5 штук в месяц; Подкупательная способность рубля; Зачем же вы так убиваетесь? Ведь вы так не убьетесь* (Русское радио) и под.

При рассмотрении примеров употребления термина *позиция* и примеров необычного заполнения позиции мы отметили, что далеко не все возможности системных свойств языковых явлений были рассмотрены в отечественной лингвистике. В частности, позиционные свойства лексических единиц в составе семантических групп (синонимов, антонимов, паронимов и пр.), а также свойства слов в составе грамматических групп (частей речи) не были до сих пор рассмотрены.

Таким образом, привлечение «отрицательного языкового материала» позволило обнаружить проявления значимости языковой позиции во всех случаях употребления языковых единиц. Именно значимость позиции позволяет рассмотренным выше единицам выполнять ту или иную функцию языка, обеспечивает стабильность языковой структуры.

В данной работе мы попытались лишь сформулировать основные теоретические положения, касающиеся позиции в системе

языковых единиц, ее места среди других лингвистических понятий и основных свойств, а также проиллюстрировать их примерами. Исследование свойств позиции каждой языковой единицы в составе позиционных языковых структур – задача, выходящая за рамки данной работы. В перспективе результатом общих усилий нам представляется создание позиционной грамматики русского языка с привлечением представлений о не иерархическом, а о полевом или модульном устройстве языковой системы.

Свойства позиций в разных разделах языка могут различаться, т.к. находятся в разных модулях, обладающих разными системными характеристиками. В целом языковая система представляет собой, по мнению М.В. Панова, «совокупность позиционных структур, в которых единицы варьируются, выступают в разных оттенках в зависимости от того, с какими другими единицами соотнесены, связаны... Само существование каждой языковой единицы ... определяется ее связью с другими единицами той же системы».

Рассматривая во второй главе понятие значимости позиции, мы убедились, что позиция обладает определенным объемом и часто исследование способов «заполнения» позиции изменяет наше представление об этом объеме. Позиционный «шлюз» ограничивает возможности комбинаторики языковых единиц.

В качестве объекта исследования мы выбрали позицию в составе синтаксической единицы, что позволило нам исследовать как семантические, так и грамматические свойства позиции. Чтобы подробно представить роль позиции как системного явления в выполнении важнейших функций языка, мы обратились к позиции слова в составе синтаксической структуры. Позиционные структуры синтаксиса достаточно сложны для анализа, поэтому мы сосредоточимся в основном на семантической стороне предложения и на словосочетаниях одного определенного типа. В качестве опорного слова в исследуемых словосочетаниях взята лексема *лес*.

Третья глава («Позиционные свойства семантики словоформы (на примере слова *лес*)») является самой значительной по объему и состоит из 2 разделов. Первый раздел «Семантика слова и способы ее изучения» посвящен истории изучения семантики слова на протяжении XX в., которую можно уподобить

раскручивающейся спирали. В середине XX в. лингвисты сосредоточили свое внимание на той части семантики слова, которая регулярно воспроизводится в литературной речи, на тех вариантах значения, которые частотны и стабильны. Вместе с тем «дальнейшее» значение слова (по А.А. Потебне) долгое время намеренно оставалось без внимания. В.В. Виноградов в свое время предложил принципиально различать значение и употребление слова и сосредоточить внимание на изучении значения. К концу XX в. и особенно в начале XXI в. внимание лингвистов привлекла именно «дальнейшая» сторона смысла слова. Понятие концепта удачно позволило объединить для изучения в пределах одного слова все возможные его значения и употребления. В конце XX в. стало привычным представление о значении слова как о подвижной, «мягкой», диффузной структуре.

Включение в объект внимания всех возможных контекстных употреблений слова расширило сферы лингвистики, так что ученые заговорили о размытости границ языкознания, о неоправданном вторжении в другие области: психологию, этнографию, философию, когнитологию, культурологию. Думается, что это вполне объяснимый временный перекося; лингвистика, обогащенная сведениями из смежных дисциплин, вернется в свое русло, сосредоточит внимание на изучении языковых единиц и не будет подменять языковые классификации когнитивными или психологическими.

Второй раздел 3 главы «Соотношение формы и значения лексемы *лес*» посвящен анализу семантического объема конкретного слова. В нашей работе, исходя из положений общей теории систем, мы включили «отрицательный языковой материал» в объект исследования наравне с узуальным употреблением, что позволило рассмотреть явление сочетаемости в максимально полном объеме.

Рамки традиционного направления давно стали узкими, и получить ответ на многие вопросы семантики удастся только при учете всех оттенков значения слова, а это возможно лишь при самом широком анализе контекста его употребления. Более того, необходимо учитывать и спорные случаи употребления, на грани нормы, а также рассматривать и те контексты, которые не допускают употребления данного слова. Именно так мы попытались рассмотреть семантику лексемы *лес*, используя материалы

Национального корпуса русского языка и тексты из художественной литературы, преимущественно поэтические. На необходимость изучения разнообразных речевых употреблений лексем неоднократно указывали языковеды (В.А. Карпов, Б.Ю. Норманн, И.С. Улуханов, В.З. Демьянков и др.). После анализа речевых употреблений исследователь получит своего рода «список» того, что должно быть, может быть или быть не может, а на следующем этапе анализа предполагается теоретическое объяснение как возможных, так и невозможных употреблений.

Выбор лексики *лес* для семантического исследования представляется удачным во многих отношениях. Среди концептуально важных для общенационального языкового сознания явлений всеми исследователями выделяются те, которые связаны с растительным миром. Неоднократно отмечалось, что у людей с растениями были особые отношения, которые отразились и закрепились в фольклоре, языке и артефактах культуры. Индивидуальные впечатления и коллективные мифологические представления послужили основой для формирования лексического значения слова, синтаксической сочетаемости слов и в итоге – для формирования соответствующих языковых концептов, обозначающих мир растений. Лес как природное явление издавна играет важную роль в жизни людей, поэтому это слово активно употребляется в речи, является многозначным и обладает богатым ассоциативным и коннотативным фоном. Это слово входит в ограниченное число лексем, вызывающих наиболее яркие образы. В то же время лексическое значение слова *лес* достаточно компактное и четкое, вторичные значения и ассоциации, проявляющиеся в речевом употреблении, почти всегда объяснимы.

Прототипическое представление о лесе как природном явлении в нашем сознании состоит из ряда компонентов. Лес является крупным, неопределенно большой величины, естественным образованием, обладающим целостностью, служащим местом обитания разнообразных живых организмов, и сам подобен живому организму. Лес в нашем сознании является одновременно и плоским, и объемным (*благополучно выбрались из леса; Вон их сколько бегают по лесам и полям*). Концепт *лес* имеет прежде всего значение объекта, членимого на части по горизонтали и вертикали (*масса нижних ярусов леса*), обладающего цветом (*Лес точно терем*

расписной/ Лиловый, золотой, багряный. И. Бунин), издающего звуки (*лес заскрипел, зашумел*), состоящего из отдельных деревьев, составляющих совокупность, целостность и пр. Лес служит местом обитания живых существ, в том числе людей. Лес – стихийно возникшее явление, но человек может его имитировать, создавать. Он изменяется во времени, имеет запах, другие признаки (*сухой, влажный, непроходимый*). Лес меняет свои параметры в зависимости от времени года, места произрастания, породы деревьев. Лес является объектом деятельности человека (*работы по посадке леса*).

Семный состав ЛСВ лексемы лес в основном, прямом значении представляет совокупность следующих сем: естественно возникшая большая совокупность растений, занимающих определенное структурированное пространство, обладающая цветом и запахом, издающая звуки, служащая местом обитания животных, птиц и насекомых. Лес является объектом разнообразной деятельности человека и вызывает у человека разные чувства (*Разве можно любить лес и не знать его особенностей?*). Это денотативное содержание лексемы лес в прямом значении является онтологически детерминированной основой наших представлений о лесе, регулярно воспроизводимых в речи.

Сигнификативное содержание («чертеж мысли» по выражению Г.В. Степановой и А.Н. Шрамма) представляет собой обобщенное амбивалентное представление о лесе, зависящее от позиции наблюдателя (в понимании Е.С. Кубряковой): находясь в лесу, обращаешь внимание прежде всего на стволы, а находясь в отдалении – на сливающиеся кроны деревьев. Поэтому лес в нашем сознании зафиксирован, во-первых, как совокупности большого количества вертикальных округлых объектов (стволов), чей диаметр намного меньше их длины. Эта совокупность вертикальных объектов сложно организована – объекты расположены на каком-либо расстоянии друг от друга, т.е. наличие промежутка между ними обязательно, можно выделить «ярусы»: низ (почва), стволы, кроны. Во-вторых, лес представлен в сознании как аморфная плоская масса, повторяющая рельеф местности.

Во всех рассмотренных выше случаях значимость позиции совпадает с основным лексическим значением слова лес. Семантическое окружение включает те же семы, которые присутствуют в ЛСЗ этого слова.

Эти два представления находят воплощение в контекстах с прямым и переносным употреблением слова *лес*, они являются когнитивной основой системы сем значения слова *лес*.

По-другому выглядят системные свойства сочетающихся единиц в случае ассоциативных связей слова *лес* со словами, называющими понятия, не связанные с растительным миром. Ассоциативные связи разных объектов в нашем сознании носят несомненную социокультурную направленность, которая обнаруживается в основном на примерах сочетаемости. Эти ассоциативные связи составляют периферию концепта *лес*, отражая разные стороны значения, выставляя их на первый план, актуализируя их и концентрируя на нем внимание собеседников. На основе анализа языкового материала в диссертации представлено 5 типов ассоциативных связей слова *лес*.

I. Ассоциации с конкретными вещами, предметами, явлениями, имеющими материальную природу: «*Лес ↔ предмет*» – *Леса еловые встают пилой на зорях* (В. Луговской); «*лес ↔ строение, город*» – *Стихийный лабиринт, непостижимый лес,/ Души готической рассудочная пропасть,/ Египетская мощь и христианства робость,/ С тростинкой рядом – дуб, и всюду/ царь-отвес* (О. Мандельштам).

II. Сравнение леса с покровом: «*лес ↔ естественный покров*» – *Созерцающая могучую синюю шерсть лесов, в которой только что начали прорасти дорожки* (Л. Леонов); «*лес ↔ искусственный покров*» – *Люблю я гору в шубе черной/ лесов еловых* (В. Набоков); «*лес ↔ текстильное изделие*» – *Кружевеет, розовеет утром лес* (И. Северянин).

III. Часто лес сравнивается с живым организмом, сказочным существом, похожим на человека: «*лес ↔ живой организм*» – *Лес хандрит. И ему захотелось на отдых, под снега, в непробудную спячку берлог* (Б. Пастернак). Лес выглядит как животное или птица, часто сказочное: *Чудно было видеть лес сверху, его щетинистую спину, освещенную луной. Он казался каким-то огромным заснувшим зверем* (И. Тургенев).

IV. Особое место занимают ассоциации леса со стихиями **воды, огня и воздуха**, которые, по нашему мнению, объединяются понятиями нестабильности, подвижности, диффузности и аморфности. «*Лес ↔ огонь*» – *Догорают в медленном пожаре/*

Клены в мокром и пустом лесу (М. Исаковский); *«лес ↔ вода»* – *Но где найдется чувству мера,/ Когда встает перед тобой/ Волной вселенского размера/ Лесов немеркнувший прибой?* (Н. Тихонов); *«лес ↔ воздушное пространство»* – *Юный лес, в зеленый дым одетый* (А. Толстой).

V. Ассоциативно лес в нашем сознании сближается с абстрактными категориями (время, жизнь, человечество, мечты, воспоминания): *«лес ↔ отрезок времени»* – *Жизнь – это лес большой, где заря красным всадником мчится* (С.Есенин); *«лес ↔ человечество, культура»* – *Человеческое общество, задуманное как сложный и дремучий архитектурный лес...* (О. Мандельштам); *«лес ↔ мысли, эмоции»* – *Мои мечты – что темный лес дремучий... В нем есть все измененья суток/ И годовой круговорот* (К. Случевский).

Исследуя употребление лексемы *лес*, мы обнаружили значение, не отмеченное в словарях – «изображение леса». У этого значения имеется свой семный состав и наблюдается своё регулярное употребление (*лес на шкатулке, лес на стене* и под.): *На заднем плане, искусно изображенный на куске плотного картона, стоял безмолвный и холодный зимний лес; А наутро снял застекленный ящик с зимним лесом с каминной полки, бережно завернул его в плащ-палатку и увез в Россию* (Е. Метлина). Семный состав этого значения следующий: наличие цвета; часто плоскость небольшого размера (по большей части изображение леса можно взять в руки); искусственный характер происхождения; установка на эстетическое воздействие; обладает эстетической и материальной ценностью, покупается и продается; материал изготовления; автор(-ы) и зритель(-и); представление на выставках.

На основе метонимического переноса возникло значение «древесина» (*скопилось десятки тысяч кубометров леса*), а также значение «сооружение из досок для ремонтных и строительных работ» (*После этого будут золотиться шпиль и одновременно сниматься лесá*). Последнее значение выделено в словарях в отдельное слово, т.к. лесá могут быть и не из дерева, а из металлических труб, кроме того, это слово имеет грамматические особенности (употребляется только во множественном числе). Но по происхождению эти значения, несомненно, связаны, т.к. первоначально лесá изготавливали именно из древесины.

Метафорически переносным является значение «много», часто реализующееся в контекстах (*Делает только намек — и в стоячем партере вырастает лес рук*). Но слово *лес* в значении «много» сочетается не со всеми словами, а преимущественно с такими, в содержании которых имеются близкие семы: «большое количество округлых вертикальных объектов, расположенных на расстоянии друг от друга». Обесцененное или почти обесцененное значение слова *лес* представлено в тех случаях, когда оно служит наименованием населенных пунктов, картин, магазинов, фестивалей, художественных произведений и пр. (*концерт музыкального фестиваля "Черешневый лес"*).

Слово *лес* может служить и названием нереальных, фантастических объектов, в чем-то похожих на это явление природы. Сочетаемость с другими словами в этом случае является необычной. Так, в фантастическом произведении С. Лема «Фиаско» лесом назван участок почвы Титана, на котором выбросы аммиачных гейзеров, застывая в воздухе, создают объект, похожий на лес – с подобием стволов и ветвей. В описании этого «леса» встречаются нетипичные для этой лексемы сочетания слов *снежный лес, лес отступает, лес охватывает*, а также сочетание *фарфоровые, зазеленелые джунгли*.

В пословицах, поговорках и фразеологических единицах отражается прямое значение слова *лес* с присущими преимущественно ему коннотациями как чего-то темного, отдаленного, непонятного и потенциально опасного (*темный лес, не в лесу живем; В березовом лесу веселиться, в сосновом - молиться, а в еловом – повеситься* и пр.).

Исследование семантики слова *лес* было бы, на наш взгляд, неполным, если бы мы не рассмотрели потенциально возможные сочетания и невозможные сочетания со словом *лес*. Для этого мы использовали электронный «Словарь сочетаемости русского языка», объемом 4 770 единиц, зарегистрированный в Отраслевом фонде алгоритмов и программ, № 6148. Мы рассмотрели сочетания преимущественно с корневыми словами. В словаре проанализированы только бинарные словосочетания с опорным словом *лес*, хотя для полноты картины необходимо было бы включить и словосочетания с подчиненным словом *лес*. В зависимости от позиции меняются возможности номинации лексем, например, невозможно употребить словосочетание **лес цен*, но

возможно *цена леса*, в котором слово *лес* может иметь как прямое значение «совокупность деревьев», так и метонимически переносное значение «древесина». Составление словаря сочетаемости в полном объеме (около 100 тысяч слов) – задача будущего. Кроме того, характер этой работы требует привлечения усилий коллектива профессионалов, поэтому вынужденная ограниченность материала привела нас к компромиссному решению.

В ходе экспериментального исследования мы установили универсальную сочетаемость, которая свойственна всем существительным: она связана с реализацией локальной семы у существительного *лес*. Эту сочетаемость можно представить в виде формулы «Лес для X (не) подходящее место». В эту формулу «вписывается» любое имя существительное, как с конкретно-предметным, так и с интенциональным значением: *Лес для барсука (синицы, дуба и пр.) подходящее место // Лес для (химии, адвоката, стеарина и пр.) неподходящее место*. X-позиция («ячейка») в системе комплексной единицы (предложения) обладает свойствами детерминанта, что и делает эту позицию универсальной. Тем не менее, возможность заполнения позиции X для разных лексем неодинакова. «Охотнее» всего эта позиция замещается словами, называющими человека и другие существа: в этом случае предложение выглядит более естественным и легче представить ситуацию для его употребления. Такой же универсальной сочетаемостью обладают позиция в слова *лес* в составе фразы «Лес к X (не) имеет отношения». При оценке сочетания мы опирались на свою языковую интуицию, а также частично на метод опроса.

Из 4770 рассмотренных нами примеров одна четвертая их часть представляет собой словосочетания, которые встречаются в практике употребления или вполне возможны в каких-либо контекстах. В состав этой группы мы включили сочетания слов, которые нам уже встретились или такие, которые легко входят в этот ряд по аналогии. Разграничение возможных (т.е. наиболее вероятных, соответствующих современным реалиям) и допустимых (т.е. таких, которые с малой долей вероятности можно встретить в современных текстах) сочетаний достаточно условно. Разница в частотности употребления слов: меньше вероятность, что мы встретим в речевой практике сочетание с устаревшим или редким словом (*балясина, негоциант, сквалыга* и под.). Для их употребления

нужен специфический контекст. Но исключить саму допустимость их в языке мы не считаем возможным. Они не противоречат языковым нормам, ограничение употребления и, следовательно, возможность встретить их в реальных текстах любого стиля носит социокультурный характер. При необходимости в определенном виде дискурса они могут быть реализованы.

К числу употребительных относятся сочетания с разными частями речи, в которых в соответствии с законом семантической сочетаемости оба слова имеют общие семы и в зависимости от значимости позиции слово *лес* реализует одно из присущих ему значений. Мы сочли возможным рассмотреть сочетания со служебными словами, междометиями, а также предикативные сочетания слов. Так, в сочетании с существительными, называющими человека, обнаруживаются посессивные отношения между объектами номинации или отношения «субъект ↔ место его обитания»: *Лес адвоката, вдовы, деда, колдуна*. Обращает на себя внимание то, что на сочетаемость влияет социокультурный компонент нашего сознания. В современной ситуации владеть лесом может только человек, обладающий деньгами и властью, поэтому слова со сниженной окраской (*хлопец, парень, зазноба* и пр.) не могут образовать словосочетания со словом *лес*, сочетания **лес хлопца, прачки, скomoroxa* звучат комично. В то же время слова, называющие достаточно высокий социальный статус человека: *маркиз, барон, боярин, царь, феодал* и пр., – могут входить в состав словосочетаний: *лес маркиза, боярина*. Если существительное называет моральную или интеллектуальную оценку человека, характеристику его внешности или именует человека по родственным отношениям, которые не указывают на социальный статус, но и не противоречат ему, то словосочетание возможно: *лес тети, (того) блондина, лес этого болвана, сквалыги*. При этом желательна конкретизация и референтная определенность, свойственная устной речи (*этот, тот*).

Корневые слова-названия растений сочетаются со словом *лес* в разных контекстах. Если эти слова называют дикорастущее дерево, то возможно сочетание *Лес+у (около)+Суш._{род.п.}*: *лес около бука, березы* и пр. Окультуренные плодовые и декоративные деревья, которые возделывает человек, образуют словосочетания типа

Лес+Сущ.род.п., при этом реализуется значение «много»: *лес абрикосов, айвы*.

Названия трав, кустарниковых растений, грибов и ягод сочетаются со словом *лес* в значении «много», при этом меняется позиция наблюдателя: предполагается точка зрения, расположенная невысоко от поверхности земли, ниже роста человека. Так, возможны сочетания *лес аниса, васильков, герани, камыша, кинзы, ландышей* и др.

Проанализировав сочетаемость корневых слов, мы считаем допустимыми сочетания слова *лес* с именами существительными, которые называют предметы, имеющие в своей структуре что-то общее с сигнификативным значением рассматриваемого слова: вытянутая форма, некоторое их количество, расположенное на расстоянии друг от друга. Зависимое слово имеет форму множественного числа родительного падежа, т.е. словосочетание строится по схеме *Лес+Сущ.род.п.* В рассмотренных примерах из художественной литературы и публицистики мы не встретили нижеприведенных сочетаний, но допускаем, что вполне можно сказать: *лес балок, батоков, балясин, бокалов, башен, гирлянд, гитар, зонтов, зубов* и под.

При соединении слова *лес* со словами, предполагающими в своем значении сему «ровная поверхность», исследуемая лексема приобретает значение «изображение леса», поэтому возможны словосочетания *лес на барельефе, бумаге, вазе, декорациях, драпировке, изразцах* и под.

При соединении слова *лес* с вещественными существительными возникает значение «изображение леса, сделанное из...»: *лес из железа, золота, лес из гипса, глины, меди, серебра* и под. Близкое значение мы усматриваем в словосочетании *лес из штрихов*, где зависимое слово обозначает не материал, а способ изображения леса.

В сочетании слова *лес* с существительным, называющим жилище, строение или населенный пункт, зависимое слово актуализирует два значения: локативное и значение материала. Пространственное значение представлено в конструкциях *Лес + около, у, возле... + Сущ.род.п.*; *Лес + за, перед + Сущ.твор.п.* Это слова *амбар, барак, башня* и др. Если те же существительные мы употребим в синтаксической конструкциях *Лес+ на+ Сущ. твор.п.*, *Лес*

+для+Сущ._{род} п. слово *лес* реализует значение «строительный материал»: *лес на балаган (для балагана), на дом (для дома), на костёл (для костела)*.

Слова, называющие погоду и атмосферные явления, сочетаются со словом *лес* по схеме *Лес +в+Сущ._{вин.п}* и имеют значения «отрезок времени» или «природное условие». Например: *лес в бурю, дождь, в снегу, стужу*.

Если зависимое слово называет книгу или часть книги, то слово *лес* будет иметь значение «словесный образ леса»: *лес в Библии, книге, Коране*.

Слово *лес* сочетается прежде всего с корневыми словами-прилагательными, называющими цвета: *лиловый, оранжевый, зеленый*. Слово *лес* сочетается с прилагательными, имеющими очень широкое значение – *плохой, приятный, хороший*, а также с прилагательными, называющими внешние признаки леса – *сырой, сухой, тихий, частый, чистый*. Осенний и зимний лес может производить впечатление *пустого*. По отношению к праву собственности лес может оцениваться как *чужой*.

При олицетворении, когда слово *лес* реализует значение «единый организм», возможны сочетания типа *щедрый лес* или *смурый лес*.

Слово *лес* сочетается с корневыми глаголами, называющими звучание – *лес гудит, шепчет, стонет, трещит, скрипит* и пр. Как материальный объект слово *лес* сочетается с экзистенциальными глаголами: *лес стоит, навис, существует, есть (был, будет), находится (где-либо)*. При переносном значении слово *лес* допускает сочетание с такими глаголами, как *вести (Лес уведет в даль. Г.Гор. Геометрический лес), думать, обладать, смотреть*. При таком соединении слов *лес* актуализирует значение «единый организм», «живое существо».

Слово *лес* сочетается с большинством местоимений: *твой, свой, наш лес; какой-то, чей-то лес; какой, весь, этот, тот лес*. Относительные и возвратные местоимения не сочетаются со словом *лес* в составе словосочетания. Допустимы предикативные сочетания с личными местоимениями в жанре сказки (*я лес, ты лес*).

Междометия могут образовывать сочетания со словом *лес*, выражая эмоциональное отношение говорящего: *Эх, лес! Ах, лес! Ай, лес! Фу, лес!* и под.

Союзы напрямую со словом *лес* не соединяются, они участвуют в организации синтаксических конструкций.

Частицы выражают дополнительные оттенки значения, осложняющие общую семантику слова *лес*: *даже лес*; *только лес* и соединяются с лексемой *лес* только в составе предложения.

Всего нами установлено около 1200 возможных и допустимых словосочетаний со словом *лес*.

В другой части примеров, их около $\frac{3}{4}$ от общего количества, сочетаемость с опорным словом *лес* невозможна из-за того, что значимость позиции не допускает употребления в этом контексте слова с присущими ему значениями, и таким образом обнаруживается граница ёмкости значимости позиции. Причина ограничения состоит в том, что в нашем сознании явления находятся очень далеко и не входят в общую ассоциативную сеть. Поэтому отсутствует сочетаемость исследуемого слова в любом из значений с абстрактными именами существительными (**лес абсцисс, агонии, беды, белиберды, вакханалии, веры* и пр.). Допустимы сочетания с существительными, называющими вещество, из которого можно сделать изображение леса (*лес из железа, золота, гипса, меди, серебра*) и недопустимы такие, из которых нельзя его создать (*амброзия, брынза, вакса, газ, глицерин, зола, имбирь, марганец, опий, пудра* и т.п.).

Со словами, называющими человека, слово *лес* образует словосочетания, в которых у слова *лес* реализуется значение «собственность» или «место проживания». Названия частей тела человека и животных, птиц и рыб (кроме слов *рука* и *рога*), а также отметок на теле со словом *лес* не употребляются (*артерия, бедро, висок, горло, десна, жабры, волдырь, мозоль*, и пр.).

С нарицательными существительными, называющими твердые предметы, имеющими вытянутую форму, слово *лес* сочетается, но если предметы имеют сложную структуру, округлую или плоскую форму, а также если это мягкие предметы, то со словом *лес* названия таких предиметов не сочетаются (*аркан, балалайка, венок, газета, жилет, кабель, юбка* и под.). Не сочетается слово *лес* с существительными, называющими совокупность животных или лиц (*публика, табор, стая*). Не сочетается слово *лес* со словами, называющими болезни или проявления болезни (**лес абсцессов, астмы*); с существительными, называющими жидкие объекты (**лес*

алкоголя, росы, слез, тюри, юшки и под.); со словами, называющими разновидности леса или части деревьев (*ветка, крона, лист, пень*). Невозможно сочетание слова *лес* со словами, называющими небольшие по размеру особенности рельефа земной поверхности или то, что углубляется в поверхность (*кочка, ухаб, жерло, лунка*); а также с существительными, называющими астрономические объекты, атмосферные природные явления и погодные условия (*астероид, солнце, комета, луна, звезда, атмосфера, ветер, туман, буря*), но возможны сочетания *лес на планете, лес смерчей, лес без солнца* и под.

Кажется необъяснимо противоречащими нашим выводам отмеченные нами исключения из установленной закономерности: в сочетании слов с лексемой *лес* решающим является наличие общих части значений у двух слов – «большое количество вытянутых округлых объектов, расположенных на каком-либо расстоянии друг от друга». Но почему тогда невозможно представить контекст, в котором мы употребили бы сочетания **лес ног, кулаков, ладоней, лап, пальцев*, а сочетание *лес рук* (в ситуации голосования) активно употребляется? Очевидно, есть ограничения, связанные с концептуальным содержанием этого слова, не отмеченного ранее, когда мы рассматривали узуальные сочетания. Ладони, кулаки, пальцы – часть руки. Когда мы смотрим на большое количество рук, их части не фиксируются нашим сознанием, тем более что речь идет о неопределенно большом количестве рук. Лапы в нашем сознании принадлежат животным, а животные не участвуют в голосовании, поэтому в этом значении слово лапа не может употребляться так же, как слово *рука* в значении «голосующая, поднятая вверх» – в нашем сознании нет когнитивного отпечатка такой фантастической ситуации. В отношении человека слово *лапа* употребляется в пренебрежительном смысле, официальная же ситуация голосования вносит свои стилистические ограничения в употребление этого слова в значении «рука человека».

Казалось бы, сочетание *лес ног* имеет право на существование с учетом того, что мы говорили о позиции наблюдателя. Но, очевидно, в нашем сознании ноги ассоциативно связаны с перемещением в пространстве, поэтому трудно представить типичную ситуацию (а в сознании закрепляются типичные, частотные ситуации), в которой большое количество людей

неподвижно стоит на месте, а позиция наблюдателя располагается на уровне поверхности земли.

То же несовпадение концептуальных составляющих части и целого обнаруживает пара *лес рогов* и **лес антилоп* (*коз, лосей* и под.). Значение «много» у слова *лес* не реализуется в сочетании со словами, называющими животных, т.к. их семантика не соответствует концепту *лес*. В то же время при скоплении рогатых животных (лосей, коров, антилоп) с точки зрения человека среднего роста большое количество рогов сближается в нашем сознании с представлением о стволах и ветвях зимнего безлистного леса, поэтому сочетание *лес рогов* употребительно и понятно.

Нашему выводу о несовместимости сочетаний слова *лес* с абстрактными существительными, казалось бы, противоречат словосочетания, встреченные нами в русской поэзии и публицистике: «*лес мыслей*», «*лес воспоминаний*», а также «*лес звуков*». Позиционная значимость актуализирует в данном случае, на наш взгляд, не столько сему «много», сколько сему «запутанные, непонятные», свойственную употреблению слова *лес* в фольклоре.

Отмеченное нами ограничение в сочетаемости слова *лес* и названий мягких или плоских предметов (*тюбетейка, чек, пол, стена* и под.) снимается, если слово *лес* употреблено в значении «изображение леса на поверхности» – это единственный смысл, который диктует значимость позиции: *лес на стене*.

С другой стороны, не все названия округлых вытянутых предметов сочетаются со словом *лес* в одном из присущих ему значений. Невозможны сочетания **лес веретён, весел, гвоздей, жердей, лучин, макарон, шпал* и т.п., потому что в концептуальном представлении этих объектов отсутствует необходимые элементы значений «большое количество объектов» и «расположенные на расстоянии друг от друга». Кроме того, у деревьев в лесу существует определенное соотношение высоты (длины) и ширины (толщины), чем вышеназванные объекты не обладают. Сочетания **лес ведер, стаканов, бочек, цилиндров* и пр. ограничены таким же образом: их можно представить расположенными на расстоянии друг от друга, но соотношение высоты и ширины у них не соответствует концептуальному содержанию слова *лес*.

С прилагательными слово *лес* сочетается, если они называют основные цвета (*черный, белый, желтый* и др.), и не сочетаются,

если цвета присущи только животным или человеку: *русый, соловый, карий*. Отсутствует сочетаемость с прилагательными, называющими вкусовую и тактильную характеристики леса; так, нельзя сказать **вкусный, терпкий лес, шершавый лес*. Невозможно соединение с прилагательным, характеризующим некоторые внешние параметры живого существа: **полный, толстый, худой, учтивый, трезвый лес*.

С глаголами, называющими действие, которое присуще только какому-либо живому существу, слово лес не сочетается, особенно это касается названия целенаправленного действия. Так, нельзя сказать **лес носит, плавает, сопит, третирует, указывает, уничтожает* и т.п. В то же время в фольклоре, фантастике и художественной литературе при художественном приеме олицетворения допустимы сочетания *лес улыбается, спит, смотрит, стережет, унывает* и т.п. Лес как любой живой организм *растет, умирает, пахнет, шумит* и под., но нами не отмечено как языковой факт возникновение леса (**родился лес*).

Наше исследование семантики слова *лес* и его употребления подтвердило выводы других исследователей о семантических свойствах слов.

Прежде всего оно соответствует данным ассоциативных словарей. В словарных статьях ассоциативных словарей отражено представление о лесе с точки зрения цвета (*темный, зеленый, бурый*), структуры (*дерево, бор, сосновый, поляна, тропинка, березовый, сосновый*), размера (*огромный*), расположения (*дальний, ближний, русский*). Отражено представление о лесе как месте обитания живых организмов (*грибы, ягода, звери*). Лес представлен как имеющий слуховую характеристику (*шумящий*). Лес связан со временами года (*весенний, зима*). Лес ассоциативно связан с деятельностью человека (*лесник, вырублен, рубить, лесоразработки, материал*). Лес изменяется, т.е. имеет качественно-временные параметры (*молодой, старый*). Отмечено эмоциональное отношение человека к лесу (*сказочный, хорошо, замечательно, чудесный*). В целом данные ассоциативных словарей подкрепляют наш семантический анализ лексического значения слова *лес*, в словарях отмечено даже употребление исследуемого слова в качестве названия разных объектов (*Островского, Шишкин, шишкинский*).

Подробный и последовательный анализ употребления одной лексемы подтвердил наше предположение о том, что позиционные

языковые структуры – одно из важнейших понятий организации языковой системы. Все значения слова *лес* связаны между собой общими семами. Позиционная значимость ограничивает выбор того или иного значения в составе композиционной синтаксической единицы, и каждое значение реализуется в присущей ему композиционной синтаксической структуре. Языковая форма (в нашем случае лексема) наполняется одним из вариантов содержания только в определенном окружении, в соответствии со значимостью позиции, в которую она помещается в акте коммуникации.

В заключении формулируются основные выводы диссертации.

1. Системные свойства языка в целом и его частей изучены неравномерно. Язык как система существует объективно и, по мнению исследователей, занимает промежуточное место между «жесткими» и «мягкими» системами.

2. Язык составляют разноплановые единицы. Одни из них носят точный («точечный»), конкретный характер (звуки). Они имеют материальную выраженность, измеряются приборами, воспринимаются органами чувств. Другие носят и материальный и идеальный, неопределенный, расплывчатый характер (значимые единицы). Их содержание – результат договоренности языкового коллектива. Те и другие единицы представляют собой ряды в соответствии с инвариантно/вариантным принципом устройства языка: звуки – звукотип; аллофоны – фонема; алломорфы – морфема и т.п.

3. Языковая система обладает рядом свойств: гомеостазом, т.е. повышенной стабильностью, которая обеспечивается избыточностью единиц и связей; взаимодействием со средой (когнитивной системой, с социальной и культурной системами); интегративностью (эмерджентностью); структурой.

4. Обобщением структурных представлений об организации языковых единиц является модель языковой системы. В современном отечественном языкознании, по нашим наблюдениям, представлены следующие модели языковой системы: иерархическая (уровневая) – в нескольких разновидностях, полевая, динамическая, многослойная и ассоциативная. Имеются предпосылки создания очень перспективной модульной модели языковой системы, но в настоящее время она существует только в виде общей идеи, проекта. Модели

представлены с разной степенью интерпретационной разработанности. Лучше всего разработана уровневая модель, но в ней же отмечено и наибольшее количество противоречий. Друг с другом эти модели, очень разные и не совпадающие даже по количеству элементарных единиц, соотносятся по принципу дополнительности. Только в совокупности эти модели могут дать представление об онтологически единой языковой системе.

5. Позиция нами рассматривается как важнейшее свойство системы, как условия существования языковой единицы в составе более сложной единицы. Основное свойство позиции мы определили как значимость. Позиция элемента – в нашем случае слова – в составе другой сложной композиционной единицы обладает определенными семантическими свойствами, которые в нормированной речи чаще всего консолидируются со значением и назначением языковой единицы. Позиционная значимость выступает как фактор и ограничивающий «наполнение» языковой формы тем или иным значением, и как фактор, способствующий «наполнению» языковой формы определенным содержанием. Значимость позиции обеспечивает стабильность структуры.

6. В случае расхождения значимости позиции и значения языковой единицы композиционная единица сохраняет свои основные языковые функции до тех пор, пока значимость позиции обеспечивает возможности ее функционирования. Если значимость позиции и свойства языковой единицы расходятся значительно, тогда слово, предложение или текст становится неинформативным и не может выполнять коммуникативную, когнитивную, эстетическую или какую-либо другую языковую функцию. Мы это наблюдали на примере бредовых текстов, в случае речевых ошибок, в языковых экспериментах поэтов и писателей и пр.

7. Использование понятия позиции и значимости позиции в ходе семантического анализа позволило, во-первых, учесть все возможные способы употребления слова (мы использовали слово *лес*), во-вторых, составить более полное представление о лексическом значении исследуемого слова. Анализ «отрицательного языкового материала», проведенный в нашей работе, способствовал выявлению границы ёмкости значимости позиции.

8. Исследуя употребление слова в самых разных позициях, мы тем самым снимаем противопоставление между языком и речью,

игравшее такую большую роль в семантических исследованиях XX в. Наше исследование привело нас к выводу, что нет фактов речи, которые не являлись бы фактами языка.

9. Исследование семантики и употребления одного конкретного слова позволило нам ответить на вопрос, почему невозможны те или иные сочетания. Мы пришли к выводу, что «эластичность» лексического значения слова ограничена значимостью его позиции в составе словосочетания или предложения, и экспериментально установили на примере корневых слов, что возможности такого варьирования смысла слова *лес* составляют не более $\frac{1}{4}$ от всех сочетаний. Большая часть комбинаторных возможностей сочетания слов не может быть реализована. Это соответствует наблюдениям И.С. Улуханова, определившего комбинаторику сочетаемости морфем в современном русском языке в процессе словообразования.

10. Содержание лексемы в нашей работе рассматривается как подвижное, но не бесконечное в своём варьировании, мотивированное образование. Фактором, формирующим объем и структуру содержания слова, является наше мышление с присущими ему особенностями и ограничениями. Поэтому так велика роль позиции наблюдателя, которая способствует формированию представления о явлении. Для формирования семантического объема слова *лес* большую роль сыграли две позиции наблюдателя: 1) наблюдателя, находящегося внутри леса и 2) наблюдателя, находящегося в отдалении. В результате возникли два представления, составляющие основу сигнификативного содержания этого слова – большое число округлых вертикальных объектов, расположенных выше точки зрения наблюдателя и сплошная аморфная масса, повторяющая рельеф местности.

11. Рассмотренная нами лексема *лес* является средством языкового оформления 5 концептов, связанных между собой ассоциативными связями: «лес как совокупность деревьев», «изображение леса», «большое количество чего-л.», «древесина», и «вспомогательное сооружение при строительстве». Базовым является первый концепт, лексема *лес* служит основным средством его воплощения. Слово *лесá* является формой множественного числа, обособившейся семантически и грамматически, это тоже единственное средство номинации этого концепта. Остальные три

концепта («древесина», «много», «изображение») выражаются и другими словами, а употребление слова *лес* в этих значениях контекстуально обусловлено.

12. Позиция является важным системным понятием, а языковую систему в целом можно рассматривать как совокупность позиционных структур. М.В. Панов считал, что «одно из важнейших свойств языка заключается в том, что он – позиционная система» [Панов 1999: 21]. Наша работа является подтверждением этого положения.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

Монографии:

1. *Касимова О.П.* Язык в свете основных понятий системологии. – Уфа, 2002. – 64 с.
2. *Касимова О.П.* Позиционные свойства языковых единиц. М.: МГОУ. – 2007. – 178 с.

Научные статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендуемых ВАК

3. *Касимова О.П.* Русские языковые модели.//Вопросы филологии. – 2006. – № 5. – С.167-174.
4. *Касимова О.П.* Система значений лексики *лес*.// Вестник Башкирского университета. – Т.12, № 2. – 2007. – С. 38-40.
5. *Касимова О.П.* Значимость позиции в семантической системе языка.// Вестник Челябинского государственного университета. Научный журнал. Филология. Искусствоведение. Выпуск 20. № 12 (113) 2008. – С. 59-65.
6. *Касимова О.П.* Языковая система и ее среда.// Искусство и образование. 2008, № 8. – С. 104-108.
7. *Касимова О.П.* Трудные случаи синтаксического разбора.// Русская словесность. 2008, № 5. – С. 57-61.
8. *Касимова О.П.* Отступления от норм языка и значимость позиции.//Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Выпуск 1(69). – С. 21-25.
9. *Касимова О.П.* Семантика слова *лес* и ее варьирование.// Вестник Башкирского университета. – Т.14, № 1. – 2009. – С. 84-86.

Статьи в научных сборниках и журналах:

10. *Касымова О.П.* К вопросу о понятии «синтаксическая позиция»./Исследования языковых единиц и грамматических категорий в речи. Межвузовский сборник научных трудов.– Уфа, 1998.–С.87-92.
11. *Касымова О.П.* Позиционные синтаксические структуры./Вестник ВЭГУ.–1998.–№7.–С.58-61.
12. *Касымова О.П.* Позиционная обусловленность структурно-семантических свойств подлежащего./Лингвистический семинар. Межвузовский сборник научных статей. Вып. 3. С.-Петербург, Бирск.– 2001.– С. 62–68.
13. *Касымова О.П.* Слово, синтаксическая позиция и предложение./Предложение и слово. Межвузовский сборник научных трудов. Изд-во Саратовского ун-та. – Саратов, 2002. – С. 222 – 224.
14. *Касымова О.П.* Языковая среда и языковая система. //Актуальные проблемы лингвистики. Юбилейный сборник в честь Почетного академика АН РБ Л.М. Васильева и Заслуженного деятеля науки РБ З.П. Здобновой.– Уфа, 2002. – С. 124-127.
15. *Касымова О.П.* Языковая позиция в системе языка./ Слово в его истории и функционировании. Межвузовский научный сборник. Памяти доктора филол. наук, профессора БГУ Ю.П. Чумаковой. – Уфа: РИО БашГУ, 2003.– С. 84-89.
16. *Касымова О.П.* Общеметодологические основы системологии в лингвистических исследованиях./ Вестник ВЭГУ, Филология. № 17/18. – 2003.– С.33-38.
17. *Касымова О.П.* Семантическая позиция как категория языка// Категории в исследовании, описании и преподавании языка. Сб. научн. трудов к 80-летию Е.С. Скобликовой. Под ред. Проф. Н.А. Илюхиной. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004.– С. 103-107.
18. *Касымова О.П.* О значимости позиции языковых единиц./ Языки Евразии в этнокультурологическом освещении. Юбилейный сборник статей в честь 50-летия научно-исследовательской деятельности Т.М. Гарипова/ Сост. Трегубов А.Н. – Уфа: Восточный университет, 2005.– С.157-161.

19. *Касымова О.П.* Концептуальность значения слова.// Вестник ВЭГУ, № 24/25, Филология.– Уфа, 2005. – С. 27-33 (в соавт. с Ильинчик Ю.Ю.).
20. *Касымова О.П.* Позиционные границы семантики языковых единиц.//Реальность, язык и сознание: Межд. межвузовск. сб. науч. тр. – Вып.3/ Отв. ред. Фесенко Т.А.–Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005.– С. 509-514.
21. *Касымова О.П.* Синтаксическая позиция и синтаксические единицы.//Предложение и слово. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов. Изд-во Саратовск. ун-та. 2006.– 51-53.
22. *Касымова О.П.* Новые возможности лексикографии: электронный словарь.// Компьютерные учебные программы и инновации. № 8, 2006 г.– С. 100-103.
23. *Касымова О.П.* Позиция как системно-языковое понятие.//Вестник ВЭГУ. Уфа: Изд-во «Восточный университет». №29/30.Филология.– 2007.– С.58-63.

Опубликованные доклады, представленные на научных конференциях:

24. *Касымова О.П.* Системные отношения в лексике как основа обучения системности языка.//Культурное наследие славянских народов Башкортостана. Тезисы докладов научно-практической конференции (28-29 мая 1996 г.).– Уфа, 1996, – С.61-62.
25. *Касымова О.П.* Синтаксическая позиция как часть системы языка.// Языки и литературы народов Башкортостана в евразийском диалоге культур. Материалы научно-теоретической конференции (15 мая 1997 г.).– Уфа, 1997.– С.73-74.
26. *Касымова О.П.* Синтаксическая позиция и член предложения: соотношение отвлеченного и конкретного.// Актуальные проблемы современной филологии. Материалы научно-практической конференции, посвященной 40-летию Башкирского государственного университета. Часть I.– Уфа, 1997.– С.73-74.
27. *Касымова О.П.* Синтаксическая позиция – синтаксическая деривация – категориальное значение.// Образование, язык, культура на рубеже XX-XXI вв. Материалы международной научной конференции (22-25 сентября 1998 г.). Ч. II.– Уфа, 1998.– С. 48-49.

28. *Касымова О.П.* Синтаксическая позиция и синтаксические системы. //Актуальные проблемы современного языкознания. Материалы научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания Башгосуниверситета.– Уфа, 1998.– С.29-31.
29. *Касымова О.П.* О значимости синтаксической позиции.// Проблемы семантического описания единиц языка и речи. Материалы международной конференции, посвященной 50-летию МГЛУ.– Минск, 1998.– С.37-38.
30. *Касымова О.П.* Фразеологизмы в позиционной структуре предложения.// Русский язык и русистика в современном культурном пространстве. Тезисы докладов и сообщений международной конференции 13-16 октября 1999 г. – Екатеринбург, 1999.– С.92-93.
31. *Касымова О.П.* Использование системных связей при обучении русскому языку.// Проблемы реализации права на высшее образование в Российской Федерации. Материалы российской научно-практической конференции (18 февраля – 4 марта, 30 марта 1999 г.). Ч. II.– Уфа, 1999. – С. 130-131.
32. *Касымова О.П.* Системологические основы описания языковых явлений.//«Научная конференция по научно-техническим программам министерства образования России». Сборник статей и тезисов. Ч. II.– Уфа: Изд-во БГУ.– 2000. – С. 174-179.
33. *Касымова О.П.* Основные понятия системы как основа обучения языку.// Роль и место кафедры иностранных языков в системе вузовского образования. Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования БГАУ.– Уфа, 2001, – С. 34-35.
34. *Касымова О.П.* Языковая личность и системность в лексикографии.// Межкультурная коммуникация: проблема формирования толерантной языковой личности в системе вузовского и школьного лингвистического образования. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Ч. I.–Уфа, 2001.– С.163-167.
35. *Касымова О.П.* Интегративные свойства языковых единиц как системное явление.// Композиционная семантика. Материалы третьей международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. 18-20 сентября 2002 г. Часть 1.– Тамбов, 2002.– С. 34-36.

36. Касымова О.П. Значение и значимость языковых единиц.// Форма, значение и функции языка и речи. Материалы международной научной конференции.– Минск, 2002 г. Ч. 1. – С. 162-164.
37. Касымова О.П. Системная характеристика языковых единиц.//Форма, значение и функции языка и речи. Материалы докладов международной научной конференции. Минск/Беларусь 16-17 мая 2002 г. Ч. 1.– Минск, 2002. – С. 62-164.
38. Касымова О.П. О когнитивной основе сочетаемости лексических единиц (в соавт. с Газизовым А.Ф.). // Филология и культура. Материалы IV международной научной конференции 16-18 апреля 2003 г. – Тамбов: изд-во ТГУ, 2003. – С.295-297.
39. Касымова О.П. Морфологическая позиция языковой единицы и значимость.// Языки Евразии: этнокультурологический контекст. Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции (19-20 ноября 2003 г.).– Уфа, 2003.– С.116-118.
40. Касымова О.П. Позиция, функция и валентность как системные понятия.// II международные Бодуновские чтения. Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11-13 декабря 2003). Труды и материалы. Т. 1. – Казань, 2003.– С. 49–51.
41. Касымова О.П. Грамматическая позиция и способы выражения концепта.//Языки и транснациональные проблемы. Материалы I Междунар. науч. конф. 22-24 апреля 2004 г.Т.1. – Москва–Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004. – С. 233-240.
42. Касымова О.П. Лингвистика неузуальных текстов.// Университетская наука – республике Башкортостан. Т. II. Гуманитарные науки: Материалы науч.-практ. конф., посв. 95-летию основания БГУ – Уфа: РИО БашГУ, 2004.– С. 35-37.
43. Касымова О.П. Структурно-семантические свойства категории однородности.//Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Материалы Международной научной конференции. – Волгоград, 24-27 апреля 2005 г.– С. 197-200.
44. Касымова О.П. Социокультурный компонент в семантической структуре слова.// Русский язык в полиэтнической среде: социокультурные проблемы лингвистического образования. Материалы Международной научно-практической конференции 26-27 октября 2006 г. – Уфа: РИО БашГУ, 2006.– С. 250-253 (в соавторстве с Ильясовой Ю.Ю.).

45. *Касымова О.П.* Объем значения слова *лес*.//Языковые и культурные контакты народов РБ в условиях двуязычия. Материалы Всероссийской научной конференции.– Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С.323-326.
46. *Касымова О.П.* Слово *лес* в русской поговорке.// Русское слово в Башкортостане. Материалы региональной научно-теоретической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. – С. 399-402.
47. *Касымова О.П.* Ассоциативные связи слова *лес*.// Актуальные проблемы современного лингвистического образования в Республике Башкортостан. Материалы научно-методического семинара.–Уфа: РИЦ БашГУ.– 2007.– С.134-139.
48. *Касымова О.П.* Системные свойства языка. //Актуальные проблемы общего и регионального языкознания. Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященная юбилею проф. Т.М.Гарипова.28 октября 2008 г.Т.1. – Уфа: Изд-во БГПУ.– С. 281-283.

Словари:

- 49.Словарь употребительных корневых слов и слов со связанным корнем современного русского языка. – Уфа: РИО БашГУ, 2002.–64 с.

Электронные публикации:

- 50.Словарь сочетаемости русского языка. Номер государственной регистрации в ОФАП 50200600704, дата регистрации 17 мая 2006 г.
51. Язык в свете основных понятий системологии (http://www.bashedu.ru/fil_sovr_russian.htm).

Учебно-методические разработки:

52. Позиционные языковые структуры. Программа спецкурса. –Уфа: РИО БашГУ, 1999.–12 с.
53. Язык в свете основных понятий системологии. Программа курса для студентов 3-5 курсов ДО и 6 курса ЗО филологического факультета. Изд.2-ое, дополненное. – Уфа: РИО БашГУ, 2005.–11 с.
54. Отклонения от системы языка в устной и письменной речи. Программа курса для студентов и магистров филологического факультета Башгосуниверситета. – Уфа: РИЦ БашГУ. – 2007.– 15 с.

Касимова Ольга Павловна

ПОЗИЦИОННЫЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 09.04.2009 г. Формат 60х84/16.
Усл. печ. л. 3,49. Уч.-изд. л. 3,14.
Тираж 100 экз. Заказ 193.

*Редакционно-издательский центр
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32*

*Отпечатано на множительном участке
Башкирского государственного университета
450074, РБ, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32*

10-